

1

Дия Сёмина

ХОЗЯЙКА уездного города

Дия Сёмина

Хозяйка уездного города

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Хозяйка уездного города / Д. Сёмина — «Автор», 2026

Жадный муж взял Шурочку в качестве бесплатной прислуги. Помыкал да издевался, держа в чёрном теле, и ловко переложил вину за растрату на жену, а её гибель стала бы для него удачным шансом скрыть собственное казнокрадство. Но всё пошло не по плану, и в теле несчастной жены очнулась я – бессменный председатель СНТ «Одуванчик». Уж я умею порядки наводить, всего-то осталось восстановить мост, найти, куда муж деньги казённые припрятал, свекрови не позволить на шею сесть и не ударить в грязь лицом перед губернатором. Одно меня удручает, в этом мире жена не смеет подать на развод. И какие бы я подвиги ни совершила, спасая город от банкротства, всё равно остаюсь собственностью подлеца.

© Сёмина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Посылка	5
Глава 2. Откуда деньги, Шура?	10
Глава 3. Кара	13
Глава 4. Попаданка по собственной воле	17
Глава 5. Пустошь	21
Глава 6. Незавидное хозяйство	24
Глава 7. Почём конь?	27
Глава 8. Непростое решение	29
Глава 9. Гость, как в горле кость	32
Глава 10. Не стройте из себя Жанну д'Арк	35
Глава 11. Город	38
Глава 12. Первая попытка	42
Глава 13. Шатдаун у нас, батенька	45
Глава 14. «Денег нет, но вы держитесь!»	48
Глава 15. Кладоискатели	50
Глава 16. Гости пожаловали	53
Глава 17. Нашли...	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дия Сёмина

Хозяйка уездного города

Глава 1. Посылка

— Эй! Хозяева, есть кто живой! Принимайте посылку и с вас рубль за мои труды, умаялся я с вашей оказией, мало было забот всю дорогу, так ещё и с тракту свернуть пришлось и лишних пять вёрст проехать! Эй! Да есть ли кто?

Громкий вопль от палисадника и бесцеремонный стук в широкие ворота испугал Шурочку. Сейчас муж впадёт в мизантропию, и потом ей за этот акт вандализма какого-то залётного ямщика придётся расплачиваться, выслушивая нудные нотации, исполняя бессмысленные поручения, развлекая его превосходительство, как развлекают домашние питомцы хозяев.

— Чего сидишь! Поди, спроси, чего этому прощелыге надобно. Право слово, уж такая ты у меня медлительная и бестолковая, — проворчал Леонид Маркович, отложил вчерашнюю газету и лупу, через какую выискивал упущенные известия из трижды прочитанного вчерашнего «Губернского вестника». Ничего нового, кроме одной новости о предстоящей поездке самого губернатора в столицу.

У ворот стоит запylённая, старенькая почтовая бричка, совершенно незнакомая, местные ямщики все наперечёт, а этот, видать, из самой столицы. Шурочка хотела было возразить, что сие по делам городским, и ей ли открывать ворота, но решила не спорить. Что-то неприятное защемило душу, совершенно нехорошим предчувствием, как перед грозой.

Быстро накинула шаль, выбежала на двор, открыла калитку и охнула, чуть не упала.

— Барышня, получите вашу посылку, с вас рубль, можно ассигнацией, но лучше бы серебром! — ямщик тут же перешёл к делу и подтолкнул «посылку» за тощее плечико вперёд, однако не отпуская, в ожидании платы за доставку.

— Меня за долги из пансиона выгнали, я уж недел-ю-ю-ю скита-а-а-а-юсь, сестричка, миленькая, прости меня. Прости, прими Бога ради...

Посылкой оказался тощий, покрытый слоем коричневатой дорожной пыли, мальчонка лет девяти, в выцветшей рубашке, коротких, драных штанах и ботинках на босу ногу. Увидев ошалевшее от неожиданной встречи лицо родной старшей сестры, вдруг зарыдал в голос, тяжело всхлипывая и сотрясаясь всем телом. По впалым детским щекам из огромных серых глаз протекли, размазывая грязь, тонкие ручейки слёз.

— Рубль! — гаркнул ямщик, не отпуская «живую посылку» без оплаты.

Шурочка моргнула, как очнулась.

— Алексей, но, а как же? Но почему? За тебя же платит мой муж, — не обращая внимания на требование ямщика, молодая женщина прижала кулачок к груди, чтобы унять сердечную боль, и последние слова произнесла шёпотом, оглянувшись на открытое окно в доме.

Мальчик лишь пожал плечиками и всхлипнул.

— Барыня, ей-богу, я с ним намаялся, у меня своих забот. Он ещё заболеть изволил, и я полдня с ним в трактире потерял и сейчас теряю, у меня срочный пакет в губернию, а я с вашей посылкой... Платите и прощайте.

— Это ребёнок! А не посылка! Как вам не стыдно...

Мужик зло зыркнул на получательницу и сплюнул на траву:

— Это мне-то стыдно? Вы вона в богатом доме, да при деньгах, а мальчонка тощий и на казённых харчах, так что постыдитесь и платите.

Из соседних домов на улицу уже выходят любопытствующие обыватели и прислушиваются к постыдному разговору у ворот самого градоначальника, почтеннейшего Леонида Марковича Гончарова.

Шурочка достала из-за пазухи драгоценную монету, всунула в грязную руку «почтальона» и выдернула из его крепкой хватки мальчика. Завела обессиленного ребёнка во двор,

закрыла высокую калитку и, не успев сообразить, как быть в этой ужасной ситуации, услышала грозный голос мужа.

— Это как понимать? Александра Андреевна, я женился на вас с условием, что ни один из ваших родственников на порог наш не заявится. Моргнуть не успел, а у меня уже весь дом в приживалках. Убирайте его с глаз, чтобы...

— Тогда я уйду с ним! — внезапно Шурочка выдвинула встречный ультиматум, впервые за два года непосильной, безропотной каторги, какую она и терпела только ради своего брата, а теперь выходит, что всё зря. И муж обманул, ничего за мальчика не платил, а ей пользовался, как рабыней.

— Не посмеешь, вспомни писание, да прилипнет жена к мужу своему...

— В писании всё иначе. Позвольте, я заберу свои тряпки, всё, что привезла с собой, потому как ничего нового вы мне и не купили. Да мне и не надо... Мы с Алёшей уезжаем, — поджав губы, чтобы не дрожали, но решительно ответила женщина. Терять ей более нечего...

— Стоять, куда собралась? Ты моя собственность, весь дом на тебе, мало мне позора, так ещё скандал от собственной жены получать? Хорошо. Пусть мальчик остаётся, по дому работы полно и ему занятия найдутся, на глаза мне не показываться, сидеть тихо, трудиться усердно, и помни мою щедрость, тебя приютил, и твоего брата, одно это дорогого стоит, — сквозь зубы процедил Предводитель уездного дворянства. Ещё раз взглянул на жену и вспомнил о важном деле. — А сейчас пройдёте-с, сударыня, в кабинет, вы должны поставить свои подписи в некоторых документах. Мальчик пусть ждёт, и в таком виде его в дом не пускать, сплошная пыль да грязь от этих детей и разорительство. Я своих не завёл, чтобы не терпеть убытки, а тут чужого подкидыша, за что мне сия обуза?

Продолжая ворчать, Леонид Маркович прошёл в дом по скрипучему полу, создавая неприятную какофонию звуков, от которых у него же начинается лютая ипохондрия.

Жена тихонько шмыгнула носом, молча показала брату на лавочку у крыльца и пошла за строгим мужем в кабинет, снова расписываться в каких-то бумагах, сути которых она не понимает, а муж не считает нужным ей пояснять.

— Вот здесь полностью имя выведи, да красиво, потом подпись. И вот тут. Вот ещё, рассердили меня, так я и запомнил о самом важном-то, завтра мы едем с инспекцией, проверить съезд в город с тракта и забор на погосте. Возьму тебя с собой, и чтобы нарядилась, а то смотреть противно. Пусть люди знают, что тебе у меня хорошо и вольготно живётся. И этот самый, зонтик кружевной возьми. Скоро к нам сам генерал-губернатор проездом заедет, САМ! — Леонид Маркович многозначительно поднял указательный палец, искривлённый артритом, чтобы указать на важность момента, какой случается дважды в год. Первый, когда его Сиятельство проезжает в столицу, а через три недели проездом обратно, иногда делает честь и останавливается на ночлег, но чаще проезжает мимо, не признавая убогий уездный город достойным своего сиятельного внимания.

— Зонтик сломался ещё в прошлом году, вы приказали его починить, но он рассыпался, нечем мне хвастаться перед людьми, — тихим голосом напомнила Шурочка, и тут же получила очередной выговор, счёт которым потеряла ещё год назад.

— Всё у тебя сыплется, зонтик моей матушке двадцать лет служил и не рассыпался... Тогда шаль цветастую и шляпку соломенную с цветами, и чтобы счастьем сияла, поняла?

Шурочка вздохнула:

— Как не понять, всё поняла, кроме одного, Ваше превосходительство, вы же обещали платить за пансион. Я только потому и согласилась на ваше предложение...

— Какая у тебя, однако продажна душа, как у всех женщин. Забыла, из какой грязи я тебя забрал? Предложение! Это был акт самопожертвования, я спас тебя! И хоть бы каплю благодарности! Прачка, кухарка, дочь пьяницы, да я облагодетельствовал тебя, дал кров, работу и достойное положение в обществе, и за все мои заботы, мне же упрёк? И как у тебя, Алек-

сандра, язык повернулся меня обвинить? Ежели б я этого отпрыска неблагочестивого рода вашего выставил, а то принял и не отказываюсь взрастить, но ты и тут мне упрёки чинишь. Не изволь жалобиться, но за такие слова и мысли ты должна понести существенное наказание, неделя без ужина. И молись усерднее, молись, чтобы все твои помыслы очистились, — его склонность из всего устраивать бесконечную лекцию снова взяла верх.

Шурочке пришлось выслушать всё до последнего слова, что накопилось у мужа, и как только тот закрыл на секунду рот, чтобы перевести дух и припомнить ещё какие-то наиважнейшие темы для порицания нерадивой жены, она тихонько вышла из кабинета. Умудрившись ни разу не скрипнуть не одной из половиц...

Оставить кухарку без ужина — это ещё умудриться надо. А Шурочка в этом доме третий год и кухарка, и горничная, и прачка, и лакей, и ещё кем-то в городской управе числится, вот из-за этих документиков, что она сейчас так тщательно подписывала и сдался муженёк, не иначе.

Шурочка окончательно осознала себя рабыней скупердя, да такого, что и пыли у него из дома без дозволения нельзя смести и вынести, а уж про всё остальное и подумать невозможно.

— Бежать надо, бежать. Ох, рубль отдала, всего четыре осталось, куда я с такой деньгой и Алёшей, Боженька, ежели ты меня слышишь, будь добренький, помоги нам сиротам, спаси от окаянного...

Прошептала, оглянулась, перекрестилась и поспешила к брату, отмывать, кормить и устраивать, радуясь хотя бы тому, что теперь душа не будет болеть за него, где он там, да как, а теперь перед глазами, а станет совсем неспособен, так и сбежать в губернский город, наняться хоть бы кем, да и жить. И сама же поняла, что муж её из-под земли и с того света достанет, не будет ей от него покоя на этом свете. Ой не те молитвы в голову лезут, ой не те...

— Что б тебе ни дна ни покрышки и самые экономные похороны, скупердяй несчастный, чтоб ты сам себе пожалел стакан воды, — и тут же перекрестила свой рот, грехопадение совершено, а раскаяния так и не наступило.

Глава 2. Откуда деньги, Шура?

Шурочка без лишнего шума, быстро отправила братца в баню, где есть ещё тёпленькая вода. Наградив мальчика старым полотенцем, обмылком, рубашкой и не бог весть откуда взявшимися в доме старыми детскими штанами, не иначе самого Леонида Марковича наследие. В баню же отнесла кусок пирога и горячий морс со смородиновым вареньем на ужин оголодавшему с дороги Алёше.

— Мойся скорее, пока не стемнело да уложу тебя в своей комнате на диване. Ох, горяшко моё. Как нам теперь быть-то?

— Может быть, бежать? Я посыльным пойду, а ты в услужение, всё лучше, чем с этим хлыщом, — прошептал Лёша, жуя пирог и запивая морсом.

— Много ты понимаешь, от законного мужа сбежать невозможно. Найдут, накажут и вернут, а ещё хуже в монастырь, другого пути-то нет. Всё после поговорим, мойся, я за тобой приду.

Через полчаса, измотанный тяжёлой дорогой Лёша уснул на твёрдом, затёртом до белёсых пятен диванчике, должно быть помнящим французскую оккупацию двенадцатого года. Шурочка смахнула слезинку и вышла в небольшую столовую, закончить своё рукоделие, теперь трудиться придётся раза в три больше, деньги нужны непременно.

В коридоре слышались шаги, быстрее загасила второй огарок свечи, чтобы скрыть смертный грех расточительства. Спрятала рукоделие под небольшую думочку на креслице, взяла книжечку и сделала вид, что читает.

Молодая жена изучила все повадки мужа, и чтобы не тревожить его душевный покой и не огорчать лишний раз, рискуя получить выговор и наказание. Научилась искусно скрывать следы своих малюсеньких, ничтожных преступлений, так чтобы не нарушать семейную идиллию, какая держится на важных принципах морали.

В основном вся мораль Леонида Марковича Гончарова сводилась к одному принципу, возведённому до уровня религиозного служения, и сформулированному в кратчайшую заповедь: «Копейка рубль бережёт». Попросту скупердяйство и жадность, доведённая до такого немыслимого абсурда, что он и женился на Шурочке, чтобы не платить двадцати рублей эконожке.

Посчитав, прикинув, во сколько обойдётся ему содержание одной души женского пола, пересчитав на свои годы, да помножив на экономию ещё и на сиделке в случае чего, решение оказалось наивернейшим. А ежели её не трогать как женщину, то она не посмеет родить, и со временем станет самым экономным приобретением, но как он ошибся, вместо одного рта, теперь у него два.

Столь поздний визит не обещает ничего доброго, поди снова нашлись поводы для отчитки и нравоучений, коими муж-праведник щедро награждает жену, вместо карманных денег. Шурочка вскочила со своего места, вытянулась, как солдат на плацу, и, не дожидаясь каверзных вопросов, сама отчиталась:

— Вечер добрый, Леонид Маркович, я по дому уже всё сделала, хотелось немного почистить перед сном, но уже свет гашу, завтра вам на завтрак-то что подать? — её трепетный страх перед кормильцем, благодетелем проявился в дрожании приятного голоса, другой бы муж слушал и слушал, но Леониду Марковичу все эти пошлые финтифлюшки, что пишут в романах про женский пол, и даром не нужны, и даже бы, если б приплатили.

— Александра Андреевна, потрудитесь объясниться, тот рубль, какой вы сегодня отдали ямщику, как у вас образовался? Вы меня обворовывать вздумали?

Шурочка опустила голову, покраснела и прикусила губу, как делала с детства, в моменты, когда такая же сварливая тётка отчитывала её, почём зря, а попросту срывала свою злобу от безденежья.

— Помилуйте, не обвиняйте в таком грехе-то.

— Но откуда у вас, сударыня, такая сумма, я вам жалование не плачу, вы сами знаете времена тяжкие, во всём нужна мера, воздержание и экономия. Я и без того на вас поиздержался, вас обыскать? Приказать раздеться? Куда вы спрятали свои клады.

Напряжение нарастает, за окном собака прогремела цепью, ещё раз тявкнула и ушла спать, Шурочка решилась признаться, чтобы не дай бог перед этим кровопийцей не пришлось ещё и раздеваться для обыска:

— Я взяла подработку, восстанавливаю кружева, или штопаю на заказ, или вяжу, это мой заработок за три месяца. У вас я ни копейки не взяла, — внезапно в голосе жены появилась тихая настойчивость, но муж на неё не обратил ни малейшего внимания и продолжил нотацию:

— Я так и думал! Так и думал! Нет, ну вы посмотрите на неё, ест мой хлеб, живёт в моём доме, при моих свечах штопает всякому сброду дырки на носках, и она меня не обворовывает? Вы сударыня, вы..., да я вам больше скажу, вы меня позорите! Этими своими промыслами позорите меня, почтенного человека, перед лицом общественности. Это где видано, чтобы жена Предводителя дворянства ходила по домам в поисках подработки, и ещё какой, самой последней. Я так и думал, так и думал! Тыфу на вас, ей-богу. А ведь мне обещали, что выдают девицу крайне покладистую, в строгости воспитанную в патриархальных традициях, чтущую мужа своего...

Он хотел ещё что-то такое же эпохальное и великое приплести к делу о целом рубле, но словарный запас на этот раз оказался скудным.

Шурочка вздохнула:

— Я больше не буду? Пойду, что свечи зря жечь, помолюсь перед сном по памяти...

— Вот, праведное дело, а молиться то, о чём собираешься, душа моя? — голос мужа вдруг едва заметно потеплел, что с ним случается в редкие моменты сентиментального приступа.

— О вашем здоровье, кормилец мой! О вашем здоровье, о чём же мне ещё молиться...

— Праведные слова. Но за рубль я у тебя ещё спрошу, это надо, какое транжирство, ладно бы заработала и на себя потратила, чтобы мужа не позорить видом своим блёклым и потрёпанным, так она отдала этому прощелыге, считай, выкинула, с него бы и десяти копеек достало. И когда я тебя экономности приучу, кошки и те быстрее домашние правила понимают, — его склонность из всего устраивать лекцию снова взяла верх. Когда он увлёкся настолько, что запрокинул голову и прикрыл глаза, сочиняя ещё какие-то предлоги для порицания, жена молча вышла и прикрыла за собой дверь.

— Свалился на мою голову упырь проклятый, этим рублём теперь десять лет порицать будет, ох, прости меня, Господи, грешна, грешна, но сам видишь, Отец наш небесный, сам видишь, в каком грехе живу, — трижды перекрестилась и поспешила к себе, заперлась на крючок, проверила сон братца и легла в прохладную, влажную постель. — Ох, подтопить бы печь. Дожди всю неделю льют, дом уж отсырел, да плесенью пропах. Ох, Матерь Божья, за какие такие грехи я заслужила сущее наказание?

Закрыла глаза и вспомнилась ясно картина, как почти три года назад, её, нищую сиротку, сосватали за «богатого» Предводителя уездного дворянства. Уж такого почтенного и уважаемого, что грязь с его сапог сама осыпается, чтобы не осквернять.

— Ох, всё отдала бы, за волю, хоть бы толику продыху, хоть бы кто сказал, в какую кабалу попадаю, бежала бы, не оглядываясь, если б одна, да как Алёшу было бросить? Никак...

Всхлипнула от безысходности, завтра день грозит новыми испытаниями, а у мужа теперь появилась новая кознь, не только над женой, но и над мальчиком издеваться, подлец не упустит сию возможность, ни за что не упустит...

Глава 3. Кара

Не спится в холодной постели молодой женщине, думы тяжкие в голове крутятся одна другой печальнее.

Вспомнив свою жизнь при муже до мельчайших подробностей, Шурочка брезгливо дёрнулась, словно её змея коснулась в траве. Ладно бы он был хотя бы добрым, но он скупердяй первого ранга, если в сословиях вообще есть ранги скупости и чёрствости. И ладно бы хоть толику привлекательности, чтобы хоть было за что зацепиться, и не испытывать хотя бы отвращения, стоя перед узурпатором.

Приличных слов нет, как описать массивную фигуру, человека не молодого и с белёсыми глазами на узком лице, большим, красноватым носом, бритым подбородком с ямочкой и бакенбардами на аглицкий манер, и большой лысиной, прикрытой тонким слоем очень длинных и редких волосинок через всю голову слева направо, как линейки в тетрадке. Красавцем жених никогда и не был, в нём не находилось хоть сколько ни будь привлекательных черт, какие с возрастом пусть увядают, но оставляют хотя бы намёк.

Ни единого намёка.

Муж оказался абсолютным злом воплоти, со всеми пороками, о каких сам же говорит, как о достоинствах, в высшей степени благостных.

Повернулась несчастная жена на другой бок и проворчала, делая нотацию сама себе, но с интонациями, присущими мужу:

— Глупая, какая же я глупая была, наивная дурочка. Как увидела жениха, тогда и надо было бежать, бежать, бежать, и даже в прачках я была бы себе хозяйкой, даже в кухарках получала бы пятнадцати рублей, и жила в своё удовольствие и за брата платить хватило бы, а теперь раба, и не помрёт он, такой хрыч меня в могилу загонит и снова женится на сироте, нас таких на его долгий век с лихвой. Что б ему.

Горячая слезинка скатилась на подушку, промелькнула одна наивная мысль, вот если бы генерал-губернатор к ним пожаловал, то она бы упала к нему в ноги и...

И ничего бы не сказала, а если и сказала, то мужу приказали бы тщательнее за женой следить. А уж Леонид Маркович её не только ужина, а и вовсе бы лишил всего пропитания.

Никаких идей спасения, совершенно никаких.

Понятное дело, что никуда она не сбежит, а если и сбежит, то её точно вернут или в монастырь отправят, на перевоспитание, и тогда с братцем совершенная катастрофа выйдет.

Ещё раз усердно помолилась и уснула.

Долго ли проспала, мало ли, но очнулась от грохота, да такого, что сердечко зашлось, ручки белые затряслись.

Гроза с громом? Шторм?

Мысли, не успев отойти ото сна, спутались, дрожью промелькнула в голове мысль, что всё пропало, и она сейчас прямиком попадёт в ад за то, что желает мужу скорой смерти.

Снова стук и громкий лай собак привели молодую грешницу в чувства.

— Хозяева! Срочно открывайте, карета генерал-губернатора на тракте сломалась! Не доехали до вас! Помощь нужна вёрст семь отсюда!

Старый конюх Гончаровых что-то крикнул и открыл ворота, Шурочка из-за раскидистого куста жасмина не смогла рассмотреть гонца в окно, но услышала, что в карете помимо самого генерал-губернатора, его жена и сынок, время уже за полночь, там вблизи достойного дома нет для их ночлега...

Наконец, и Леонид Маркович очухался, от одного упоминания о генерал-губернаторе его чуть «Кондрат не хватил», что-то проворчал в своих комнатах и вдруг шумно, торопливо постучал в спальню жены:

— Александра, собирайся, поедешь со мной, ежели что, поможешь жене Его Сиятельства, возьми с собой морсу, да пирога кусок, поторопись. И платье своё лучшее надень! Сопроводим почтенное семейство к помещице Авдеевой, у неё всегда есть комнаты свободные, а нам такие расходы не по карману...

Даже здесь он не посмел нарушить свои священные принципы и не взял на себя расходы на содержание даже такого высочайшего гостя, но Шурочка только обрадовалась. Ей тоже лишние трепетные хлопоты с постояльцами ни к чему, да и боязно, первый человек на губернии да под одной с ними крышей, да, Боже упаси от таких страстей.

Предупредила испуганного братца, что скоро вернётся, чтобы спал и ни о чём не волновался, быстро собралась, прогремела на кухне склянками, выбрала самую чистую, навела смородинного морса, завернула в чистый отрез пирог с обеда, прошептала: «Не побрезговали бы моей стряпнёй-то, а то опозоримся, они чай кулебяки в своих дворцах не едят».

— Да сколько тебя ждать-то, кулёма, Макар уж запряг, а ты всё возишься, э-эй. Дождь начинается, пшла быстрее в карету.

Леонид не на шутку встревоженный и сердитый, подтолкнул жену к выходу. Через несколько минут мужчины обговорили дело, и посыльный поехал перед каретой. Оказалось, что спор вышел из-за переправы через полноводную реку. Кучер предводителя посмел выразить сомнения на счёт, только что отремонтированного тремя крепкими досками моста в центре города, и попросил дозволения проехать вокруг, на пять вёрст дольше, но там-то выше по течению мост крепче да шире...

За то и получил строжайший выговор от Леонида Марковича, мол, кто он такой сомневаться деяниями и решениями самого председателя уездного дворянского собрания, в собрании мужи поумнее всех собрались и ежели постановили, что мост крепкий, значит, так тому и быть!

Ведомый этим постановлением, а ещё злостью на судьбу, что приходится служить у такого скряги, кучер влетел на горбатый, деревянный мост вслед за верховым гонцом, намереваясь на скорости проскочить опасное место.

Но лошадь оступилась, попав копытом в новую щель, дёрнулась от страха, и раздался немыслимо страшный, адский треск. Бедная Шурочка вцепилась в корзину с провиантом, зажмурилась и по женской привычке начала шептать молитву о спасении её грешной души.

Через несколько секунд всё было кончено.

Мост рухнул, утягивая за собой старенькую карету предводителя, который сам-то попытался выскочить в последний момент, забыв про жену, про долг чести и про генерал-губернатора в сломанной карете на тракте.

Река после двух недель проливных дождей напилась влагой, наполнилась силами и безжалостно понесла куда-то брёвна, доски и разбитую карету, унося за собой испуганную до оцепенения Шурочку. Очередной удар о бревно и карета рассыпалась.

Сначала перед глазами женщины возникла леденящая душу тьма, а потом свет и тепло...

— Рай? Неужто так быстро, да и слава тебе, Господи, отмучилась, — прошептала Шурочка и благостно прикрыла глаза. Согрелась, вкусила райского блаженства, но вдруг услышала мужские раздражённые голоса где-то рядом:

— Вы обязаны эту женщину с того света вернуть и на ноги поставить, она лишь в глубоком обмороке, ничего серьёзного. Делайте что хотите, Казимир Сидорович, что угодно...

— Но помилуйте, она день в воде пробыла, пульс есть, но слаба, переохладилась. Тут от меня ничего не зависит, на всё воля Божия! — простонал старческий голос, очень похожий на голос городского лекаря, Шурочке захотелось отмахнуться от этих кошмаров, отогнать от себя говоривших, но не смогла.

Пришлось слушать и ужасаться:

— Наш прохиндей Гончаров всю городскую казну на её имя переписал, через три недели на обратном пути к нам обязательно заедет Генерал-губернатор с ревизией, и я не собираюсь отвечать перед судом за нерадивость Леонида Марковича. Вот у нас есть его жена, она теперь за все его грехи и в ответе, знаете же поговорку: «Муж и жена – одна сатана!», они в сговоре, вместе казну обкрадывали. Его не нашли, видать течением унесло, путь теперь она отдувается и на каторгу идёт за растраты. Оживляйте, иначе я вас тоже припишу к этой шайке-лейке! — прорычал злой голос, где-то вдали, там, где осталось бесчувственное тело несчастной.

— Помилуйте, не взыщите, сделаю, что смогу!

Неприятная, лекарственная жидкость вдруг проникла в приоткрытый рот Шурочки и её душа, что есть мочи завопила: «НЕ-Е-ЕТ!»

Но было уже поздно, райский сад начал меркнуть...

Этого Шурочка допустить не могла:

— ПОМОГИТЕ! Меня на каторгу хотят, невиноватая я-я-я-я! Помогите! — завопила её душа, распугивая райских птиц и считая золотистую пыльцу райских цветов. Она сопротивлялась, но какая-то сила её неумолимо потянула назад, во тьму, боль и реальность. — Помогите, я столько страдала, чтобы оказаться здесь, помогите! О боже, что же я делаю, там же братик, ох...

Невинная душа в смятении вспыхнула, приняла свою долю и уже перестала бороться, готовая идти на муки ради брата, снова ожить и получить ещё одну порцию неприятностей, после которых в райский сад можно и не вернуться.

...И моя душа не вытерпела, в раю начинаешь чутко относиться к страданиям, оголённые, нежные души сопереживают, сострадают, и я тоже стала такой отзывчивой. Страх девочки пронзил меня и заставил действовать. В последний момент, когда золотые, сияющие врата вот-вот захлопнутся, я решительно оттолкнула несчастную душу и сама сделала тот шаг, о котором уже давненько задумывалась.

Чудесный райский сад оказался до жути скучным местом, негде развернуться деятельной натуре – бессменной председательнице СНТ «Одуванчик» Александре Петровне Дегтярёвой, женщине старой закалки, и с неуёмной жизненной энергией. Есть у меня ещё не только порох, но и перец, каким я охотно поделюсь с теми, кого так неистово испугалась молоденькая душа несчастной Шурочки.

Ух, как оно всё быстро-то, свет, туннель, тьма, боль и я вдруг открыла глаза!

Глава 4. Попаданка по собственной воле

Решившись на отчаянный шаг, а в большей степени на авантюру от скуки, даже на секунду не могла себе представить, что окажусь не просто в чужой жизни, теле, делах. А в совершенно иной реальности, вот к этому я оказалась совершенно не готова.

Ещё не успев осознать свой геройский поступок, не успев даже вдохнуть полной грудью и открыть глаза, как сразу же и получила первую пытку. Мне буквально стало понятно, отчего душа Шурочки неистово молила о пощаде. Стоило моим новым ресницам вздрогнуть, как горло снова обожгла какая-то едкая смесь, какую с упорным рвением вливает в меня сердитый мужчина в белом халате и ворчит, передразнивая кого-то:

— Спасите её, делайте, что хотите, я, по-вашему, кто? Лекарь! А не бог! Тьфу, сколько мороки, померла бабёнка, да и отмучилась, а то жила с таким скрягой затюканная донельзя. Глаза люди стыдливо отводили, чтобы не смотреть на её затрапезный вид. Может ей вовсе эта смерть во спасение, от такой жизни-то. Ох...

Он увлёкся реанимацией и не заметил, что я уже открыла глаза, да сказать ничего не могу из-за какого-то шланга, через который этот дуболом вливает в меня ядрёную гадость, отчего в животе началась нестерпимая резь.

— М-м-м-ма, гыть! — пытаюсь отогнать его от себя, оттолкнуть, отбиться, но перестаралась и слишком энергично ударила удивлённого реаниматолога по рукам, отчего его флакон с чудодейственной зеленоватой пакостью отлетел и со звоном разбился о стену, оставив ужасный, вонючий след.

Не теряя драгоценные секунды, выдёргиваю из себя гадкую трубку, пока мужик замер, не понимая, как реагировать на воскрешение фурии.

А я сейчас не просто фурия, я очень злая фурия.

— Вы с ума сошли? Это что за гадость? Яд? Кислота? Вам мало моих страданий и мучений, так решили ещё и напоследок все мои внутренности сжечь? Кх-х-х, да кто вас только допустил до лечения больных? Ну я вам...

Не успеваю договорить, что я им, в горле засвербело и зашипало ещё сильнее.

— Так, мне приказано, так я и того... Оживил, выходит! Лекарство-то подействовало!

— Боже, ваше лекарство и каменную скульптуру оживит, и заставит сбегать. Дайте воды, жжёт всё нестерпимо. Скорее, воды...

Удивлённый результатами своего «эксперимента» и слегка заторможенный лекарь не с первого раза сообразил, подать мне стакан с водой.

Выпила залпом и слегка полегчало. И только сейчас в глазах прояснилось, а то была муть, в ушах звон. Про несчастное тело вообще молчу, всё ломит и болит нестерпимо.

Они её били? Отчего несчастная девушка в раю-то оказалась?

До меня начинает доходить ужас отчаянной ситуации, в какую я сама себя же и ввергла по глупости. И чего не сиделось среди райских цветов...

Пытаюсь приподняться, осмотреться, но лекарь настойчиво придавил меня за плечи к подушке, не позволяя встать.

— Сударыня, вам бы лежать. Вы же с моста в карете того, ну, это гакнулись, ушибов много, на голове ссадина, вся в синяках. Руки и ноги вроде целые, но лучше бы вам полежать денёк другой. Теперь всё обойдётся, там молодой человек сидит, плачет, напуган до обморока. Я вас укрою, вот так и позову его, успокойте мальчонку, что вы живы-то.

Он вроде бы спросил, но сам уже укутал меня одеялом и сразу впустил худющего мальчика, он и правда весь заплаканный, по-детски всхлипывает, но, увидев, что я живая, улыбнулся:

— Шурочка, ты живая? Шурочка. Только не помирай, родненькая, я без тебя сгину, не оставляй, родненькая...

Запричитал, заголосил, но тихонечко.

Как он похож на моего младшего сыночка в детстве, только мои крепенькие, а этот, ручки чуть толще спичек. Материнское сердце сжалось, не могу смотреть на голодных, напуганных детей. Даже не знаю, что ему сказать-то?

— Тут я, тут. Не помру, а ты хоть кушал? — каждое слово даётся мне с великим трудом.

— Какая-то тётка сердобольная принесла вчера два варёных яичка и краюху хлеба с маслом. А после дядька корзину с едой оставил. Сытый я, сытый. Но ты-то как, милая моя?

Ответить не успеваю, потому как в комнату ворвался бравый и слегка свирепый мужчина. Заметив мальчика, замер у входа, что-то шепнул лекарю, а тот усердно кивнул и с заметной гордостью объявил о чуде, мол, вернул с того света, прям воскрешение Лазаря, хоть в газеты пишите, хоть статью в «Медицинский вестникЪ» публикуйте...

Решительный незнакомец не позволил допеть лекарю дифирамбы в свою же честь и попросил на выход, но уже спокойно, без той агрессии, с какой влетел только что в комнатку.

— Малец, выйди-ка, и вы, Казимир Сидорович, оставьте нас наедине с Александрой Андреевной.

Лекарь приобнял мальчика за плечи и вывел, уговаривая, что всё теперь будет хорошо и покойно, и можно не волноваться и не плакать.

Дверь закрылась, а я уставилась на нового персонажа. И теперь окончательно осознала, что влипла в настоящие неприятности. И дело не в том, как этот мужчина смотрит на меня, а в том, как он выглядит.

Высокий, крепкий, тёмные, выющиеся волосы замысловато уложены с живописным чубчиком, и совершенно неуместные бакенбарды, значительно добавляющие ему возраст. Внешность скорее заурядная, ничего такого выдающегося, кроме очень густых бровей и таких же густых ресниц. Но одежда...

Он одет не просто винтажно, а как персонаж из «Пиковой дамы» или «Евгения Онегина».

Промелькнула мысль, что он сейчас откроет рот и запоёт арию, но он не запел.

Он прогудел, как пароход:

— Сударыня, я не так давно назначен в наш город городничим. Мы с вами не встречались, посему позвольте представиться.

— Позволю, — может, я зря его перебила, но он просто меня заворожил своим необычным видом.

— Кхм, так вот я городничий, отставной офицер Демид Ефимович Макаров.

— Очень приятно, хотите сказать, что со мной произошло? Рассказывайте, городничий, надо же...

Кажется, я своими репликами сбиваю прямолинейный ход его мыслей.

— И это тоже, вашего мужа так и не нашли. Прошу прощения за неприятные подробности, но его либо унесло течением, которое нынче слишком уж бурное. Либо зацепило за корягу где-то в омуте. Это прискорбно, особенно в свете последних событий, какие вскрылись.

— А есть ещё какие-то события? Нашего падения с моста недостаточно? И пыток какой-то гадостью с трубкой до самой опы, ветеринары и те, более деликатны, и вы влетели, как... Даже не знаю, хоть бы толику тактичности, ей-богу, я могла быть неодета! Только что с того света, вы буквально вырвали меня из райского сада и сразу...

Я на секунду задумалась, как более деликатно назвать его бесцеремонное поведение и вообще всё, что сейчас происходит, а он воспользовался затишьем и вдруг обиделся:

— Послушайте, оставьте свой саркастический тон, я понимаю ваше состояние, но вы смотрите на меня и говорите с таким видом, словно я чурбан неотёсанный...

Смотрите, какой неженка...

— Ни в коем случае, с чего вы взяли. Даже в мыслях не было называть вас чурбаном. *(До этого момента)*.

— Вот именно, но ваши действия говорят об обратном. Помещик Угрюмов, как один из членов городского совета утверждает, что ваш муж и вы изрядно обворовали казну, где средства непонятно. Дом обыскали, документов не нашли, денег и подавно. Мост в центре города разрушен, генерал-губернатор был вынужден ночевать на тракте под дождём в карете и ждать помощи, другими словами, дела ваши плачевны. Молитесь, чтобы вашего мужа нашли живым и вменяемым. Чтобы до возвращения губернатора из столицы, мы смогли предоставить Его сиятельству все отчёты по расходам. В управе, на почте, и вот даже лекарю, не говоря уже про меня и моих подчинённых денежное довольствие должны были выдать третьего дня, а его нет. Это уже дело подсудное...

— Простите, а я тут при чём? — вот сейчас мне реально захотелось назвать его чурбаном. Шурочка же всего лишь безропотная жена, молчаливая тень и прислуга...

— А при том, что после смерти казначея прошлой зимой, ваш муж назначил на эту должность вас. Так что, вы тут очень даже при чём. Если не вернёте казну, пеняйте на себя...

Глава 5. Пустошь

Городничий напугал до икоты, ещё раз долгим взглядом оценил, в каком я состоянии, наверное, осознал, что пока с меня что-то требовать бессмысленно, убежал на поисковую операцию. А я хотела бы сказать, что у «мужа» был такой мерзкий и вредный характер, и искать его надо не вниз по течению, а выше. Но не стала усугублять своё плачевное состояние.

Через несколько минут гул в доме стих. Все, кроме мальчика ушли. Видать, обыскивали с пристрастием, да ничего не нашли.

Лекарь хоть и сказал, чтобы я лежала, но чувствую, нет у меня такой возможности. Иначе тёпленькую из постели и заберут куда следует, за растрату казны даже в нашем мире наказания суровые, а тут могут каторгу «выписать» вместо санаторно-курортного лечения.

Откинула одеяло, обнаружила себя в очень старой, застиранной донельзя, ночной рубаше, задрала её повыше и осмотрела ноги, покрытые синяками, как пятнами на далматинцах. Судя по боли на спине, на попе, на голове, и на руках синих пятен тоже не счесть.

Но пошевелила конечностями, согнула, разогнула ноги, руки, слегка покрутила головой и приняла решение, что уже вполне здорова, чтобы начать бороться за свою новую жизнь!

Надо сказать, что тело мне очень понравилось. Крепенькое, формы округлые, но не дряблые. Грудь большая, талия тонкая, а бёдра по-женски широкие, но не огромные. Очень женственная фигура. Осталось дело за малым, познакомиться со своим новым лицом.

С трудом обнаружила зеркальце, закреплённое на четыре небольших гвоздиках внутри дверцы шкафа. Набралась смелости, чтобы не грохнуться в обморок от избытка эмоций, и открыла шкаф шире, чтобы моё отражение появилось в зеркальце.

Замираю...

— Хорошенькая... Странно, что для такой милашки не нашлось мужа более достойного, и почему за такого скупердяя отдали? Очень странно.

Провожу пальчиками по гладкой коже, поворачиваюсь и так, и эдак, но сколько-нибудь значимого изъяна не нахожу. Очень симпатичная женщина. Только синяк на щеке, царапина на лбу и волосы так всклокочены, что стали похожи на старую-старую мочалку.

Либо стричь налысо, либо пытаться вычёсывать. Я всегда ходила с очень короткой стрижкой, и сейчас бы сама состригла бы все колтуны, но увы, в этом мире иные правила жизни. Всё позор: не так оделась – позор, коротко стриженная – позор, слишком красивая, тоже, наверное, позор.

Вслух себе же и ответила, но скорее для того, чтобы привыкнуть с нормальным звучанием приятного женского голоса, каким я теперь буду разговаривать, до следующего возвращения в Райский сад:

— Коротко подстригусь, местные не поймут, хотя тоже вариант, прикинуться дурочкой после падения, да той пакости, какую в меня влил лекарь, и... И у меня заберут мальчика, дом, и потом и волю, отправят в лечебницу, и тысячу раз пожалею, что решилась ожить вместо Шурочки.

Вот так рассуждая о стрижке, я вдруг окончательно осознала, что обстоятельства сложились катастрофически. Нет ни единого варианта, чтобы соскочить с проблем. За всё придётся отвечать в полной мере. Но я намерена вернуться в Райский сад, когда придёт время, потому никаких компромиссов.

В дверь тихонько постучали:

— Шурочка, все ушли, может быть, тебе чаю согреть? — послышался тихий голос Алёши, это имя вдруг всплыло в подсознании.

— Я уже встала, сейчас оденусь, и посмотрим, что у нас есть на кухне. Боже, если денег нет совсем, то нам уже сегодня не на что будет купить еды. Никто и не поверит, что мы настолько нищие, по вине Леонида.

Поспешно отыскала в шкафу старенькое платье, влезла в него и обулась в сношенные до неприличия, домашние туфли из затёртого гобелена и вышла, пора мне осмотреться. И постараться вспомнить все тайны этого просторного дома.

Муженёк явно переводил деньги в какие-то ценности, золото или ценные бумаги. На счетах краденую казну хранить опасно.

Если сумма внушительная, значит, в этом доме где-то есть клад!

— Как хорошо, что ты выжила!

— Не могла иначе, уже в раю была, видела райских птиц, ангелочков, и вернулась к тебе. Так что, не переживай, в раю о наших бедах знают, обещали помочь...

— Правда?

— Очень на это надеюсь. У меня к тебе одна огромная просьба, сейчас согреем чай, а после тебе придётся вычесать мою голову, пока плавала в реке, волосы спутались так, что сама их расчесать не смогу.

— Конечно, расчешу, соседи сказали, чтобы мы обращались, если что случится. Мне и рубашку со штанами ссудили, уж давно такой приличной одежды не носил. Но скорее, чтобы не смотреть на мой затрапезный вид. Прибыл я до вас как оборванец-босьяк, стыдно, но обокрали меня злые люди на первом же полустанке.

Он вдруг заговорил по-взрослому, сокрушаясь над своими мытарствами, но не отчаиваясь. Кажется, упоминание о райском саде подействовали успокаивающе не только на меня, но и на него.

Наступил мой черёд удивиться:

— Правда? Не только райская помощь, но и человеческая. Это очень согревает душу. Значит, хорошие люди в этом городе живут.

— Да, хорошие. А как же мы теперь?

— Как-то справимся. Сегодня мы перебьёмся чем Бог послал, отдохнём, и ты меня расчешешь, а завтра придётся перепроверить весь дом, все бумаги...

— Большую коробку с бумагами из тёмной комнаты вынес тот господин, что приходил к тебе. Страшный.

— Вынес? Документы?

— Да, приказал отвезти в управу, и будут всё проверять. Они на тебя ополчились или на твоего мужа?

— Вот теперь и не знаю, — мы резко сменили направление, от кухни вернулись в кабинет Гончарова и обмерли от неприятного зрелища.

Все дверцы шкафов с книгами распахнуты, ящики массивного письменного стола и небольшого бюро в углу выдвинуты. И всё почти пустое, кроме книг, они как стояли никому не нужные, так и продолжают стоять, только Шурочка порой почитывала какие-то тома энциклопедий да романов. Гончарову сие занятие претило, пустая трата времени, но раз у всех почтенных людей есть библиотека, то и у него должна быть, купленная у старьевщика за рубль, и собранная кем-то ещё лет пятьдесят назад.

Будь мы в столице, то, наверное, букинисты бы оценили раритетные издания. По сути, единственное богатство в этом доме — эти книги. Но они в уездном городишке никому и даром не нужны.

Во всём остальном дела совершенно ужасные. Я даже не смогу проверить, в каких бумагах муж заставлял расписываться жену, под какую каторгу он её подвёл. Уже начинаю мысленно просить вселенную вернуть этого старого козла, и пусть сам отвечает за казнокрадство. Уж я его выведу на чистую воду...

Глава 6. Незавидное хозяйство

На кухонном столе обнаружилась небольшая корзинка с продуктами, явно собранными на скорую руку, что под эту самую руку и попало. Яйца, хлеб, сало в газетке, несколько морковин, кулёк с пшеном и небольшая крынка со сливками.

— А это кто-то принёс?

— Да, какой-то дяденька из полиции посмотрел на дом, пока обыскивали, посетовал на бедность и принёс. Они, видать, и не знали, что ты так бедненько жила, я ж думал, что твой муж богатый.

У меня в сознании нет чёткой картины прошлого, даже такой, как если бы я просмотрела сериал про настоящую жизнь несчастной Шурочки. Но стоит какому-то триггеру задеть моё сознание под правильным углом, так в памяти всплывает информация, мысли или картинки из прошлого. Такие яркие, словно я сама присутствовала в прошлом.

Вот и сейчас, на слова Алёши в памяти всплыли огромные золотые часы мужа, и не отечественные, а швейцарские да с бриллиантом. Он был весьма неравнодушен к роскоши. При этом старый пиджак его давно протёрся на локтях, и Шурочка сделала заплатки, про бельё и прочие вещи вообще молчу. Это какая-то маниакальная или показушная экономия на всём...

В голове засвербела настойчиво-навязчивая мысль: «Где-то у Гончарова припрятан клад! Он потому и жил так, чтобы ни у кого подозрений не возникло».

Если он казнокрад и такой жмот по мелочам, то его жадность, как у Скруджа, должна иметь какой-то эмоциональный выхлоп, чтобы любоваться золотом или драгоценностями.

И этот клад точно не нашли, потому что разговор был бы иной.

Обдумывая молча, ребёнку такие тонкости знать опасно. Но как только закончим дело с обедом, а потом и с моими волосами, проведём собственный обыск всего дома. Хуже, если этот гад где-то в столице имеет сейф.

— Шурочка, ты о чём-то задумалась? Я уж третий раз тебя спрашиваю, дров-то принесть?

— А? Ой, прости, задумалась, принеси, тебе не тяжело? Не хватай много, а то слабенький! — опомнилась, когда Лёша уж отчаялся меня дозваться и легонько задел за руку.

— Вот ещё, женские глупости, я – сильный, — надо же, какой, прям цыплёнок трёхнедельный, тощенький, а туда же!

— Будешь, когда недельку тебя покормлю своей стряпнёй. Только вот у нас ничего нет, даже продать нечего, а одежду нужно, и...

И снова в сознании всплыла картинка, как Шурочка, собираясь в ночную поездку, спрятала драгоценный узелок в своей постели, уж её спальню точно не обыскивали.

Пока Алёша ходил на двор за дровишками, я проверила видение и чуть не прослезилась от счастья. Под тонким матрасом, набитым соломой, притаился узелок. Развязала и нашла немыслимое богатство: четыре рубля серебром и семь медных гривенных. Это большие деньги по местным меркам.

— Сестрица, я дрова-то принёс! Что ещё делать?

— Смотри, у меня есть четыре рубля и семьдесят копеек. Этого, надеюсь, хватит, нам купить новые одежды, хоть бы самые простые.

Алёша с любопытством рассмотрел наше единственное сокровище и утвердительно кивнул.

После ужасного лекарства в животе очень уж неприятные ощущения, и не только от лекарства, голод даёт о себе знать, зажевала краюшку хлеба и начала колдовать с обедом, под пристальным взглядом братца.

Решила слишком не заморачиваться с едой, сейчас главное — скорость, потому очень тонкими кружочками накрошила пару морковин, мелко порубила немного сала для шкварок. И как только огонь в печи занялся, на сковороде в жиру обжарила морковь, слегка посолила и разбила четыре свежих яйца с таким ярким желтком, какого я в жизни не видела. В этом мире самая экологически чистая еда, оно и понятно, никакой химии.

Запах заставил наши животы заурчать ещё громче от нетерпения.

— Ой, вкусно-то как пахнет.

— Чайник закипает, сбегай за дом, там вроде у нас сад был, хоть смородинового листа нарви заварить, всё не пустую воду пить. А я пока в чугушке пшено поставлю вариться, чтобы на завтра осталось, да со сливками и поедим.

Чудо, а не ребёнок. Ещё и договорить не успеваю, а он всё спешит исполнять. Принёс и листья, и целую кружку чёрной, душистой смородины.

— Вот! Столько хватит? Ох, как есть-то хочется.

— Руки мой и садись, накормлю тебя, а потом расчешешь меня, а то, кажется, лягушки с пиявками в волосах притаились. Того и гляди превращусь в водяную ведьму.

— Это было бы забавно! — его моё предположение ничуть не испугало, наоборот, заставило улыбнуться, а как только я пододвинула к нему тарелку с едой, то и вовсе забыть о страхах.

Как Алёша спешит исполнять поручения, так он и ест. Как голодный котёнок накинусь, только и успела показать ему, как слегка непрожаренные желтки хлебом вымакивать, он тут же всё подчистую съел, и остатками хлеба тарелку обтёр идеальнее, чем если бы помыл.

— Милый, я тебе ещё бы дала еды, но боюсь, плохо станет, мы через часик ещё чай выпьем с хлебом и сливками.

— Хорошо, я такой вкусноты никогда в жизни не ел. Морковка жареная такая, оказывается, вкусная.

— Да, вкусная. Я тебе обещаю, что мы разберёмся со всеми проблемами и станем богатыми, уж на вкусную еду и хорошую одежду у нас денег хватит.

— А ты меня в школу назад не отправишь?

— А зачем? Разве здесь учиться нельзя? В городе, наверное, есть школы?

Лёша пожал плечами и, провожая взглядом каждое морковное колечко из тарелки в мой рот, философски и очень серьёзно ответил:

— Здесь церковно-приходская, из неё только в реальное училище, а чтобы в университет попасть нужны гувернёры или школа-пансион, но там нас плохо учили, только муштра. А я учиться хочу, стать инженером, и зарабатывать много-много, чтобы ты потом ни в чём не нуждалась.

Не выдерживаю, сыпая со своей тарелки на его тарелку оставшиеся кружки моркови и шкварки. Они тут же исчезают в вечно голодном худеньком ребёнке. Самый рост у мальчика, а его держали на хлебе и воде. Вдыхаю от неприятных мыслей о местных реалиях, не только Гончаров казнокрад, в школах тоже преступники у власти.

— Тогда и на образование тебе заработаем, — а сама всё настойчивее думаю про клад и документы.

— Эй! Хозяйка, есть, кто дома? — громкий голосина прогремел с порога как гром среди ясного неба, мы с Алёшей вздрогнули, глазищи вытаращили и смотрим друг на друга, ворота не заперты, дверь в дом на крючок не закрыта, проходной двор, а мы одни...

Глава 7. Почём конь?

— Сейчас выйду! — крикнула и вспомнила про свой ужасный вид, не хуже привидения или русалки восставшей. Если Лёшу такие мелочи не волнуют, то местных обывателей вполне могут не просто волновать, но и чего доброго, обвинить меня чёт знает в каких смертных грехах, наводнениях, нищете, пожарах, обрушении моста, очень уж я сейчас на средневековую ведьму похожа, только метлу и шляпу...

Быстренько накинула на голову полотенце, замотала, взглянула на кочергу, но брать не решилась. Кажется, что весь город уж знает, что в этом доме хоть шаром покати, ничего нет, да и середь бела дня, кому в голову придёт грабить. Про насилие другого рода мысль промелькнула, когда я увидела очередного «гостя».

— Очнулись, очень хорошо. Вы ж меня знаете, я в управе писарем, захаживал к вам в дом-то.

— Допустим, — с некоторым недоверием отношусь к новоявленному. На писаря он так же похож, как я на балерину Мариинского театра. С такой комплекцией только дровосеком на лесоповале. Тоже мне писарь. Пишет

— Так это с поручениями я к вам-с. Первое, вы, наверное, не знаете, что ваш-то кучер ногу сломал, посему лежит теперь у матери на лечении.

— Мне очень жаль. Что-то ещё? — очень боюсь услышать его ответ, особенно о том, что я должна оплатить ещё и лечение бедолаги.

— Да, коня вашего привёл, он тоже немного пораненный, но там царапина, дёгтем-то обработал и к вам вернул. Но без кучера-то, вам с конём сподручно ли? — ох уж эти простые деревенские мужики, он ещё и подвести не успел к теме, а весь его облик горит коммерческим предложением. Но я тоже не из простых, делаю вид, что ни единым соображением не понимаю «тонкого» намёка.

— Наверное, нет. Я пока понятия не имею, как с хозяйством разбираться самой. Но обещаю подумать об этом завтра.

— Можете продать, вам-то казённый извоз положен, своей кареты у вас тоже больше нет, разбилась, не восстановить. А на казённой таратайке-то вам сподручнее. Я же и кучером могу...

Я чувствую, что он хочет что-то ещё сказать, да не знает как.

— Продать коня? А кому? Он точно наш? Не казённый? — какое-то подозрение в моей душе возникло, но объяснить и понять его суть не смогла.

Мужик вдруг сделал резкий шаг в мою сторону, напугав меня до замирания сердца. Потом огляделся и прошептал, решившись:

— Ежели с вас будут что-то требовать, то коня-то первым и уведут. Я бы у вас его купил, прям сейчас-то. Я человек-то порядочный, вдову не ограблю...

«Вдову?»

И тут понимаю, что за всё время, ни разу не подумала о Гончарове, как о своём муже. Ключевое слово «моём», а что, если его найдут...

— Леонида Марковича не нашли? — сама задаю самый неприятный вопрос.

Мужик вообще не понял, с чего это случилась резкая смена темы, мы же вроде как о коне торговались. Завис, посмотрел на меня странно, но спохватился, принял трагически виноватый вид и запричитал:

— Картуз его прибило к берегу, а самого так и нет. Начали уж плотно, не пропуская ни шагу, с лодки, да с берегов, да с баграми и палками прощупываем. Но нет, сказал бы, что как в воду канул, но он и так в воде, так что испарился. Прямо и не знаем, что делать. Вы уж не взыщите с нас, но старейшины города рассорились, уж двадцать лет ваш муж был Предводи-

телем, сколько при нём городских менялось, а теперь все в замешательстве насчёт дел-то. Ох, что сейчас в управе.

— Говорите прямее, меня в чём-то обвиняют? Вас прислали меня заставить подписать какие-то бумаги?

— Завтра бы вам в управу явиться, если вас не затруднит.

— А зачем? — я уж начала думать, что они начнут мне делать втык и обвинения выстав-
лять. Или допрос чинить, куда муж деньги девал. Неприятное ощущение подкатывает к горлу.
Ещё и парламентёр немногословный, каждое слово из него надо вытягивать.

— Решение принять. Вы, оказывается, казначей, и пока вашего мужа не нашли живым
или мёртвым, то господа не решились менять предводителя-то, моё дело маленькое. Они, не
стеснясь громко рассуждают. Но ежели они там что-то накрутят, то отвечать-то вам, не про-
пустить бы момент. Вот потому-то я и предлагаю вам, коня-то прям сейчас выкупить. Хоро-
шую денгу дам. Не обижу, а завтра-то поздно будет! Взыщут!

Его настойчивое предложение продать коня испугало больше, чем слова о нерешитель-
ных господах.

— Сколько за коня даёте?

— Пятьдесят рублей, помилуйте, больше нет. Но могу осенью телегу дров ещё привезти.
Колотых, — надо же, мысль о том, что он лесоруб оказалась верной, дровишками мужик про-
мышляет, а писарем числится. В памяти колыхнулась мысль, что нашему коню цена рублей
семьдесят.

— Или шестьдесят рублей и телегу дров, или пятьдесят и три телеги колотых дров.

— По рукам, барыня, пятьдесят рублей и три телеги. Вот ваши денежки, но не обижай-
тесь, бога ради, больше нету. И сейчас расписку напишу про дрова, а вы мне напишите про
уступку коня, — одно слово – писарь. Тут же из планшетки достал листы бумаги, перо, чер-
нильницу, и мы на маленьком столике «оформили» сделку по всем правилам этого замысло-
ватого мира. Так или иначе, у меня сейчас на руках появились деньги, с какими можно и в
столицу уехать, и там попытать счастье.

— Вот и ладно, держите ваши деньги, дрова как просохнут, так и загрузим с горкой. Не
переживайте. Но завтра вам в контору, и раз уж мы сговорились, то по секрету шепну, они там
очень долго спорили, очень долго...

— О чём?

— О вас, о городе, о казне и о вашем супруге, уж ежели его найдут, хоть бы живым, то
вам-то будет проще...

— В чём проще? Хотя я и так понимаю, на меня не навесят городские долги.

Он удовлетворённо кивнул, прям как базарная баба, какая поклялась на исповеди не
сплетничать, но не в силах сдержаться.

— Мой вам совет, притворитесь дурочкой, а ещё лучше безграмотной, прям так и гово-
рите, что муж сам бумаги-то подписывал. Они не желают губернатору-то отвечать за растраты,
вот вас и подставляют. А Леонид Маркович ежели помер, упокой господи его грешную душу,
то на него и пусть все грехи-то. Только жаль, дом ваш отберут, потому-то я коня и поспешил
у вас выкупить...

До меня начинает доходить, они решили взвалить все обязанности по городу на меня, в
том числе и за казну, и за крушение моста, и ещё бог весть за какие недочёты. Городничий же
что-то такое сказал, про скорый визит губернатора. И никому не хочется отвечать за делишки
моего мужа...

Они всё повесят на меня.

Была Шурочка рабой мужа, теперь станет крепостной батрачкой у целого города.

Я стану крепостной...

Глава 8. Непростое решение

Часом ранее в городской управе.

Первые мужи уезда собрались на непростой разговор. Внезапное исчезновение Гончарова породило в городе массу неприятных слухов.

Самый первый, что Леонид сам спровоцировал падение, чтобы исчезнуть, ни в какую реку он не падал, а сбежал со всей казной из города.

Те горожане, кто помудрее, прекрасно понимают, что такой фигуре, как градоначальник просто так не скрыться и не сбежать. Найти его живого или мёртвого — дело времени. Но беда в том, что его найти куда проще, чем деньги.

Вторые слухи, что он сам убили и жену свою хотел с собой утянуть, так как разорил город до позорного банкротства. И испугался внепланового визита генерал-губернатора. Однако поиски не прекращаются, но с каждым часом надежды тают. После ливней река стала слишком бурной. Даже обломки кареты не найдены, только картуз градоначальника зацепился за ветки куста, но и только. Шурочку спасло платье, что зацепилось за корягу на излучине и не утянуло женщину течением в дальние дали. Видать, ей и ответ держать.

Споры о происшествии нешуточные, надо написать подробный отчёт в столицу и губернатору, а это повлечёт за собой неминуемые проблемы.

Посему Угрюмов, Сумский и Рябовский пытаются вразумить неопытного городничего описать дело, как совершенно несчастный случай, по вине самого кучера, ночью неверно въехал на мост, за то и поплатился...

Но Демид Ефимович настаивает на том, что всё это совершенное разгильдяйство самого Гончарова, уж как он приказал отремонтировать мост, так сам же и поплатился за скупость, три доски набить поверх десяти дыр.

— Вы же видели, тот срам, не мост, а сопля! Удивительно, как он ещё в прошлый паводок не развалился. У вас здесь двадцать лет...

Макаров, пользуясь тем, что назначен городничим совсем недавно, позволил себе хватить лишку, и тут же был бесцеремонно осажен помещиком Угрюмовым:

— Позвольте-с, хоть вы человек новый, два месяца у власти, и могли бы уже воздействовать, как-то включиться в проблемы города, а то только обвинять. Я вообще безвыездно живу в поместье, аж в пятнадцати верстах от города. Мне до столицы ближе на паровозе, нежели по разбитой дороге сюда тащиться, эти дела нам и незаметны вовсе. А как вызвали на происшествие, да ввели в курс дела, так я чуть с сердечным приступом не свалился, это какие дела творил наш Гончаров, пока мы на всё закрывали глаза, — густым басом, как паровоз прогудел Владимир Васильевич Угрюмов. У него железное алиби, какое он только что и озвучил.

— Да вас, собственно, никто и не упрекает, Владимир Васильевич. Однако какой-то контроль должен был быть, я же не счетовод, а отставной офицер, да с опытом следственной работы. Но преступления такого порядка, как казнокрадство, мне неподвластны, однако все бумаги, что мы изъяли в доме и в кабинете нашего предводителя, наводят на трагическую мысль...

Демид Ефимович смягчил тон, прекрасно понимая, что с помещиками надо как-то более мягко, и не настроить всех против себя, иначе следующее назначение на новый пост, может оказаться ещё более ужасным и тоскливым.

— И чего же вы не продолжаете, что ещё более трагического может быть, кроме гибели предводителя, да в самый разгар визитов первых лиц? Ведь через три недели Его Сиятельство наверняка изволят приехать, взглянуть на наш городишко и ужаснуться тоскливости его вида. Уж такого позора не заметит только слепой. Я тоже в поместье живу, и у меня тоже неблизкий путь. Можно сказать, впервые за пять лет летом-то приехал. А зимой-то всё под снегом и не

видно... — Николай Петрович Сумский тоже решил откинуть от себя ответственность, как откидывают палочкой гадину, пригревшуюся на жарком песке у дороги.

И только Виктору Ильичу Рябовскому не нашлось что сказать, оттого и сидит молча. К несчастью, его усадьба находится сразу за городом, и он всю разруху видел, но должного внимания не обращал. Да и зачем лезть в дела «государственной» важности, если для этого они каждые три года избирали Гончарова, с него и спрос, хоть с живого, хоть с мёртвого.

— Я вот как думаю, ежели оказалось, что жена Гончарова числится казначейшей, и уж восьмой месяц, судя по бумагам. То пусть и отвечает за себя и за своего мужа. Довели до разорения город, опустошили казну, а кто-то из нас должен ответ держать? Нет уж! Увольте. Я в таком случае вовсе уеду в столицу и там обоснуюсь, пока эта катавасия не закончится, — ещё раз прогудел басом Угрюмов.

— Небольшой счёт в банке есть, надо бы попросить Александру Андреевну подписать платёжные бумаги на оплату довольствия. Вот тут её книга с чеками...

Городничий достал из короба с бумагами серый блокнот и показал, на что Рябовский тут же чуть не крестясь, завопил.

— Нам без казначея вообще никак. Губернатор приедет, назначит другое ответственное лицо, и тогда будем выбирать предводителя, а пока припугните её, что вся ответственность на ней и пусть выходит завтра на свою должность. Пока не нашли Леонида Марковича, живого или мёртвого, его жена за всё в ответе. Нет у нас бумаги, свидетельствующей о смерти Гончарова, значит, нам рано переизбирать новое первое лицо. На том и порешим, — Сумский решил подвести черту под пустыми размышлениями, и для пущей убедительности постучал пальцем по краю стола в осиротевшем кабинете утонувшего предводителя дворянства.

— М-да, город — банкрот. Дожили! Позорище, что о нас подумает Его Сиятельство, — вздохнул Угрюмов теперь уже отстранённым тоном и видом, словно его сие никаким боком не касается. А в уме прикинул, что действительно пора бы перебраться в столицу, чтобы вся эта позорная шумиха улеглась и забылась, но тут вспомнил. — А постойте-ка, что же мы на совет нашего Гордея Матвеевича Сомова не вызвали, он молод, но уже вдовец, человек крепкий, предприимчивый, и его угодья недалеко от усадьбы помещицы Антиповой, вот как только дело всё притихнет, переживём бурю да разбирательства, то предлагаю Сомова-то на должность предводителя и выдвинуть.

— И тогда взыщет он ваши недоимки все, вы ж тоже, не со всех земель налоги в казну платите, да и хитрите по мелочам, Владимир Васильевич. Мы Сомова и не позвали, чтобы он не наломал дров, не зови лихо, пока сидит тихо, — проворчал Рябовский и покосился на городничего, тоже человека нового и доверия не заслуживающего.

— Ой, не надо в моём глазу на брёвна указывать, у того же Сомова рыло уж не в пушку, а щетине, засадил чужое поле под свою свёклу или что там у него, по правую руку от реки. Все вы хороши. Всё, прощайте, не поминайте лихом, завтра отбываю в столицу. Моё дело теперь сторона, — внезапно Угрюмов заговорил очень тихо, и тоже постучал пальцем по столу, призывая товарищей к остаткам совести. Поднялся со скрипучего стула, поправил длинный сюртук, прикрыл белым картузом лысину и был таков.

— Всё, господа, пока лишнего не скумекали, да упрёков не настроили, предлагаю тоже разойтись, оставим всё как есть, пусть жена Гончарова за всё ответ держит. А вы, батенька, отнесите в кабинет казначейский эти бумаги, запирайте и не суйте свой нос в городские дела. Сами сказали, что в денежных вопросах не разбираетесь, вот и не лезьте, куда не просят, — назидательным тоном проворчал Рябовский.

Собрание мгновенно рассыпалось, помещики, не мешкая, попрощались и сбежали, оставив Демида Ефимовича в одиночестве. Да с некоторыми подозрениями, о нечестной на руку игре, и не один Гончаров — виновник банкротства, здесь все усилия приложили, недоплачи-

вая налоги в казну. Пришлось отнести бумаги в кабинет, запереть на ключ, а потом решиться на отчаянный шаг и ещё раз навестить Александру Андреевну.

Честно говоря, появилось навязчивое желание увидеть её ещё раз, но лишь для того, чтобы убедиться, что она ожила, и чувствует себя нормально, ничего такого, совершенно ничего.

А перед глазами вдруг возникло испуганное и до невозможности миловидное личико новой градоначальницы.

— И как такая женщина оказалась замужем за чёрствым сухарём? Неисповедимы твои дела, Господи, кому-то с женским полом не везёт по жизни, а кто-то недостойный ухватывает себе уж такой премиленький экземпляр, да в полкопейки не ценит...

Проговорил, запирая всё здание городской управы на замок, да и смутился, самое неподходящее время думать об амурном, да ещё к такой проблемной женщине.

Однако ноги сами привели к изуродованному катастрофой мосту, пришлось осторожно по досочке перебраться на тот берег. Пройти две улицы и замереть в неприятном удивлении.

Перед домом «вдовы» стоит шикарная бричка не кого-нибудь, а самого Сомова первого претендента на значимый и опустевший пост градоначальника. И он вдовец, и если бы не его норов, то и можно было бы назвать весьма приятным с виду, сейчас он к казначейше-то подкатит.

— Тьфу, итить твою налево! Вот ведь принесла нечистая кавалера...

Глава 9. Гость, как в горле кость

После скоропостижной продажи коня появилось неприятное ощущение, что я совершила нечто предосудительное и непростительное. Продать полезное для хозяйства животное, это великая глупость, да ещё и с такой непростительной скидкой!

Но была бы это корова, ни за что бы не продала. А с лошадьми я вообще не умею обходиться, да и единственная наша карета, судя по всему, разбита. И коню нужно сено...

Уговаривала себя и так, и эдак, пока Алёша, закусив губу от чрезмерного погружения в процесс, тщательно прядочку за прядочкой вычёсывал мои волосы. Кое-что пришлось выстригать, но через всего полчаса кропотливых трудов моя голова приобрела человеческий облик.

— Пойдём, на дворе польёшь мне с ковшика, хоть помою, а то от неприятного запаха тины, уже тошнит.

Мы пристроились за домом на лавочке с ведром воды и ковшиком. Под согревающими лучами солнца, братец полил мне на голову, подождал, пока я намылила волосы куском грубого, серого мыла и ещё раз смыл.

— Ну вот! А то точно, как русалка была. А потом баньку протопим. Ох, суета, сейчас бы в лавку сходить за вещами. Да сил нет.

— Ты только что очухалась, завтра и ходим, — как маленький мужичок Алёша кинул ковшик в пустое деревянное ведро и отнёс в баньку, а я ещё раз отжала волосы, наклонившись вперёд, накинула старую простыню на плечи, а потом резко разогнулась, чтобы вся моя мокрая шевелюра рассыпалась по спине, и быстрее сохла.

Вот за этим пикантно-романтическим занятием и застал меня очередной посетитель. У меня дар речи пропал от испуга, потому как когда я наклоняла голову и отжимала волосы, во дворе никого не было, и собачка дрыхла в будке, как и сейчас дрыхнет, не обращая внимание на чужака.

И у «гостя» тоже пропал дар речи, видимо, не был готов увидеть такие интимные процедуры, хотя чего тут такого, я одетая. И даже более того, простынёй прикрыта пышная грудь, разве только длинные, каштановые волосы рассыпаны по плечам, так это не преступление против морали, да в собственном закрытом дворе...

Так и стоим, сверлим друг друга взглядом, я от испуга, он от вожделения (ну мне так показалось).

— Я вроде бы калитку-то закрывала, чем обязана и кто вы?

— Хм, — незнакомец усердно громко кашлянул в кулак, что стоило бы сделать раньше. Симпатичный, тоже крепкий, как и многие мужчины, кого я уже успела увидеть. Темноволосый, в простой одежде, но добротной, и не сказать, что красавец, но нет в нём ничего отталкивающего и пугающего. — Я это...

Дар речи так и не вернулся?

— Что это? Приехали сообщить, что моего мужа нашли?

Мой вопрос сорвал с него пелену смущения:

— В смысле вашего мужа нашли? Вы мне зубы не заговаривайте, я приехал призвать к совести Гончарова за поломку моста, это ж надо, теперь, чтобы мне попасть с одного своего участка на другой по другую сторону реки, приходится пять вёрст объезду делать, доколе будет продолжаться...

— Ах это! Ну тут я с вами полностью согласна, удивлена, что вы не в курсе событий, и если найдёте или выловите моего мужа из реки, то вот это самое ему и выскажете.

Он на секунду зажмурился, потряс головой, как псы обычно стряхивают воду с шерсти, причём даже звуки похожие издал: «Бр-р-р-р!»

Но стряхнуть с себя наваждение ему не удалось. Так и не понял сути моих слов.

— То есть как выловить? Из какой реки?

— Да из нашей, мост потому и сломан, что наша карета и я, и кучер, и мой муж свалились с него в реку. Теперь городничий мужа-то ищет. А я, выходит, крайняя за все прегрешения осталась.

— Но как же мост, пять вёрст? — пробормотал по инерции, не догоняя за стремительностью событий последних часов.

Закатываю глаза, мужчина на вид вроде симпатичный, но туповатый, потому и дар речи потерял, что хотел начать с ругани, да я его огорошила, да не один раз.

— Что мост? Предлагаете мне самой пойти, взять доски, молоток, гвозди и отремонтировать?

— Ну, так...

— Вот именно! Тут надо с умом, наверное, в городе нет специалиста. Завтра пойду в контору, всё пересчитаю, перепроверю, найду инженера, или хотя бы толкового плотника, если найду деньги на ремонт, то тогда начнём работы. Вас такой ответ устроит?

— А сроки? — какой он настойчивый.

— Всё зависит от денег, но говорят, что казна пустая, посему про сроки ничего сказать не могу.

— Вот я так и знал, снова отговорки! ДОКОЛЕ? — незнакомец снова театрально взревел, словно нерв его на пределе возможного.

Но меня таким рёвом не пронять, мост ему прям сейчас подавай, а раньше кишка тонка была вот так к Гончарову заявиться и потребовать. Потому делаю меланхоличный взгляд и совершенно спокойным голосом вещаю:

— Что поделать. Послушайте, не помню, как вас зовут, я только недавно очнулась, тоже говорят, день в воде провела, мне сейчас не до моста, завтра посмотрим и на мост, и на казну, и вообще на город.

— Гордей Матвеевич Сомов.

— Очень приятно.

— Постойте-ка, я вот не понял один момент! А с какого это рожна вы-то пойдёте в контору управы и начнёте там распоряжаться? Ваш муж был главой, я с этим ещё смирился, но как видно, зря. Но вы-то, барышня, с чего возомнили себя градоначальницей? Был позор и нищета, поди и банкротство, так теперь ещё и баба градоначальницей?

Ну вот и приплыли! До красавчика дошли мои слова.

— Эти вопросы не ко мне! Я себя на эту роль не выдвигала, а меня назначили старейшины, писарь пришёл и сообщил. И мне эти заботы и даром не надо. Хотите стать градоначальником, вперёд и с песней, разбирайтесь со своими коллегами помещиками.

Ленинским жестом показала направление, куда ему следовать.

Как же мне эта перепалка напомнила нашу бытность в СНТ, всегда найдётся какой-то паршивый баран на всё товарищество, и будет мозг чайной ложкой выедать, а как глянешь, у самого забор покосился, на земле сплошные сорняки, да ещё и задолженности по взносам, но ему все должны и обязаны.

— Но я этого так не оставлю!

— Не оставляйте, я на эту должность не напрашивалась, и решение пока неофициальное, так что бегите в управу и...

— Моста нет! Опять вокруг объезжать! Но я разберусь, город спасать надо от таких, как вы! Я вам устрою, покажу и Кузькину мать, и где раки зимуют!

— Спасайте! Бог в помощь! И привет Кузькиной матери с раками! — я уже так устала от этой пустой перепалки, что обрадовалась, когда он решил сбежать, но, как назло, появился городничий. И весь сыр-бор начался по новой. Прям производственная планёрка, но в моей

ограде. Даже псина проснулась, потянулась, таякнула для порядка и ушла в конуру, чтобы не видеть и не слышать наши дебаты.

Глава 10. Не стройте из себя Жанну д'Арк

Демид Ефимович влетел в калитку и тоже на мгновение замер.

— Вы моего мужа нашли? — этот вопрос я уже задаю десятый раз за несколько часов, сама удивляюсь, словно волнуюсь. Но я вообще не волнуюсь, я хочу, чтобы не меня судили, а истинного виновника. Но городничий, кажется, успел успокоиться и взять себя в руки.

— Нет от поисковой группы никаких вестей. А что, собственно, происходит? — протянул руку Сомову поздороваться, и тому пришлось ответить, но с таким лицом...

— Демид Ефимович, это как это понимать? Гончаров пропал, а вы на его место уже новую главу назначили, да не кого-нибудь, а вот эту молодую, неопытную барышню? — в этот момент они оба посмотрели на меня оценивающе, но с разными критериями. — Кто вас уполномочил? Город в ужасном состоянии, всюду разруха, мост опять же! Позорище!

— Совет старейшин постановил, только что провели экстренное заседание и пока не нашли Гончарова, живого или мёртвого, Александре Андреевне как казначею...

— Твою ж козу за ногу! Она ещё и казначей? Да вы там все белены объелись? Старейшины? А я, по-вашему, кто? Пустое место? Меня спросить не удосужились, ну я вас всех, вы у меня ещё попляшите, генерал-губернатор приедет и разберётся с вами со всеми за самоуправство... Градоначальница, тьфу, баба, а туда же.

— Гордей Матвеевич, от-ста-вить истерику! Разберёмся! Что вы, ей-богу, ещё и слова оскорбительные, за такое я вправе на вас штраф наложить, так, глядишь, и казна пополнится.

— За какое такое?

— За оскорбление нашей градоначальницы! — слишком уверенно объявил городничий и тем вызвал у Сомова приступ неконтролируемого возмущения.

— Да вы, да я, ну вот вы где у меня! Через три месяца выборы, я так не оставлю, губернатор о ваших махинациях всё узнает. Довели город до разрухи.

Громко ругаясь, Гордей выбежал из моего двора и куда-то уехал, видать снова кругом и костеря почём зря и меня, и мост, и моего, так называемого мужа.

— Уф. Я думал он к вам с добрыми намерениями, но его на совет потому и не позвали, что характер очень уж дурной. Однако вас решено оставить на должности, а там уж как губернатор разберётся и прикажет.

— И какие мне эта должность даёт права? Допустим, я захочу этот несчастный мост отремонтировать. И что тогда делать?

Марков пожал плечами и выдал:

— Да ничего, написать прошение, потом ждать, когда выделят деньги, потом найти подрядчика, вы же не собираетесь в самом деле всё это делать? Ваша должность градоначальницы номинальная. Когда всё утрясётся, найдут вашего мужа живым или почившим, оформят соответствующие бумаги, и потом проведут официальное голосование, и выберут Сомова, или Рябовского. А вам только чеки на довольствие выписывать, пока с казной разберёмся, скорее всего, ревизора пришлют. Не будь вы казначеем, то и вовсе не коснулась бы вас эта проблема. Сейчас-то только ваша подпись может быть поставлена на чеках.

— А потом меня посадят за хищение вместо мужа? Вы же были в этом доме? Он нищенский. У Гончарова, в смысле у моего мужа совершенно не было талантов к управлению, но зато была болезненная жадность. Потратить на город копейку, да ему легче удавиться. Так что я отступать не намерена. Если вы меня выбрали, то я собираюсь навести порядок, и начнём с моста, сделаем своими силами.

Бывшие офицеры очень терпеливые, но я своим упрямством кого угодно доведу до раздражения. Чувствую, что городничий исчерпал свой запас вежливости и готов и на меня при-

казным тоном рявкнуть, как только что на Сомова. Но всё равно, надо отдать ему должное – держится достойно и продолжает внушение:

— Сударыня, ваше положение незавидное, и лучше бы вам его не ухудшать. Право слово, просто дождитесь завершения ситуации, дождёмся губернатора и его решений. Максимум, что смогут с вами сделать власти, если обнаружат растрату или недоимки – отнимут дом. Да, это прискорбно, но вы останетесь свободной, а если сделаете глупость, и начнёте строить из себя Жанну д'Арк, то тогда я вас спасти от проблем не смогу.

Улыбаюсь, не то чтобы игриво, но его рыцарский подход отчего-то стал очень приятным, с томным вздохом соглашаюсь:

— Если дело обстоит так, то ладно. А кто приказал лекарю меня с того света вернуть? Вы?

— Когда вас оживляли, я был на реке, понятия не имею, кто из наших. Но потом по приказу Угрюмова дом обыскали, возможно, он хозяйничал и его приказчик.

— Они меня уже виноватой назначили, и дом отнимут, и под суд отдадут, чтобы и свои махинации скрыть. Украсть казну – это ещё постарается надо, а шельмовать с налогами и пошлинами – вот это запросто. Леонид Маркович особым умом не блистал, потому его и держали на этой должности. Так что мне либо сейчас бежать, либо бороться и наводить порядок, а это я умею.

Боже, как он на меня посмотрел...

Как посмотрел...

— Ох, сударыня, я вас предупредил, в рамках своих полномочий посодействую, но ещё раз подумать призываю.

— Завтра в девять, я буду в конторе. Напомните, где она?

— Через мост, там по досочкам, по улице прямо и на площадь, там увидите. О, женщины! Ладно, пойду, а то вы с мокрой головой, а вечереет, о здоровье надо думать.

— Мне сейчас надо думать о своей шее, чтобы не получить по ней. Надеюсь, завтра увидимся.

Он молча протянул мне связку ключей с деревянным ярлычком, на котором выезжена буква и номер кабинета: «К 3».

Мы расстались, и каждый с неприятным осадком. Из баньки вышел Алёша, он там прятался или в засаде сидел. Но это и правильно, нечего ему при взрослых разговорах присутствовать.

— Я завтра в контору, а тебе дам учебник, будешь заниматься. Потом вместе пройдемся по лавкам за одеждой.

— А если у нас дом отберут, то мы куда?

— В столицу или в губернский городок, пока не отобрали, значит живём.

Глава 11. Город

Утро третьего или четвёртого дня после крушения выдалось дождливым, а мне на службу. Я пока не слишком хорошо ориентируюсь в датах, не знаю, сколько плавала в реке. Сколько лежала в беспмятстве, а спрашивать Алёшу не хочется, мальчонка и так напуган последними событиями. Да ещё и последняя угроза про выселение на него очень удручающе подействовала. Однако не дом меня волнует пока, а тот факт, что прошло около трёх дней, а о муже ничего не слышно.

С одной стороны это пугает, потому как ответственность теперь за его преступления на мне, а с другой стороны, я всеми фибрами души не желаю видеть эту мерзкую рожу, за то, как он обращался с Шурочкой, и что по его вине Алёша попал в ужасные обстоятельства. В совокупности проступков Гончарова, он тянет на три удара сковородкой по башке, честное слово не сдержусь. Шурочкина ненависть и моя решительность — поистине жгучая смесь.

Так что отсутствие новостей — уже хорошая новость.

В доме обнаружилась переносная печурка, какие я когда-то видела в китайских бытовых видео, они были моей слабостью. И здесь тоже люди не дураки, маленькая железная печь с одним прогаром, в неё большие дрова не помещаются, но маленькие щепки на ура.

Лёша быстро настрогал полешко, кору и ветки. Разожгли на дворе под навесом и приготовили простенький завтрак: запеканку из пшеничной каши и пары яиц. Согрели в маленьком самоваре кипяток, и показалось, что жизни не так ужасна, какой пытается казаться.

— Вот тебе книга, десять страниц прочитать, и половину одной страницы переписать. На выбор, что понравится.

— Всего десять?

— Да, хоть всю книгу читай. Я только рада буду. Ну всё, побегу. Пока дождь закончился, надо проверить, как там наши дела. А ты калитку запири, и в доме закройся на крючок. Я крикну и открою. А чужим вообще не отзывайся, будто в доме никого нет.

— Хорошо!

Выбрала самое приличное из двух платьев, какими уже давно пора полы мыть, а не носить. Накинула на плечи огромнейшую чёрную, цыганскую шаль с розами, собрала волосы в пучок, но даже так, я выгляжу вполне себе симпатично.

— Красота страшная сила. Странно, что муж Шурочки на её прелести не купился, — шепчу, рассматривая себя в зеркальце перед выходом. А в сознании всплыла одна весьма позорная мысль. Он не импотент, по его понятиям от женщин одни неприятности, и самая большая из них — дети.

— Бе-е-е, какой редкостный придурок!

Появилась ещё одна весьма категоричная причина желать дураку смерти, Алёшу он не потерпит, так или иначе, снова попытается сослать куда-то, но в ещё более худшее место, и сделает это обязательно, если объявится.

Вышла за ограду, и Алёша закрыл за мной. Не сразу сориентировалась, куда идти и где мост, интуитивно повернула направо и выбирая места посуше пошла в контору, попутно рассматривая свои новые «владения». Да уж, владения...

Город поразил меня своим ущербным видом, стоило только выйти за собственные ворота.

Вот какая нищета и голяк в доме градоначальника, такое же запущение и во всём городе.

Одно радует, что в этом мире нет нашей упаковочной промышленности, а то бы ещё фантиков валялось повсюду. Но иду по мокрой дороге, выбирая места посуше, оглядываю дворы, руки чешутся и хозяевам дюлей дать хворостиной, и порядок заставить навести.

Повсюду конский навоз, да и коровы отметились. Дрова кому-то привезли ещё по осени, уж сожгли давно, а перед домом так и оставили мусор, остатки коры, щепки. Травы некошеной

по улице столько, что введи я только за неё штраф – казна бы озолотилась. Ладно травы, а то всё крапива.

И это я только по своей стороне прошла, а вот и мост...

— Мама дорогая! Это мост? Да он и до крушения был немногим лучше, чем теперь. Только за это Гончарова надо было в тюрьму, а ещё лучше топор с молотком в руки и заставить самого ремонтировать.

С великой осторожностью, по кинутым досочкам, держась за мокрые остатки перил, перебралась через «переправу» и пошла инспектировать дальше.

Всё так же навоз, всё так же трава и крапива, серость, но есть остатки мостовой. В центре показались даже несколько кирпичных домиков, когда-то оштукатуренных и покрашенных в яркие цвета, но теперь всё блёклое, потрескавшееся, как в самой ужасной картине на постсоветском пространстве, в самых нищих деревеньках, куда не доезжают губернские ревизоры.

И вторым по значимости «памятником» грандиозного разгильдяйства я назначила огромную лужу в центре главной площади. Такую огромную, что её можно было бы принять за озеро, но увы, это обыкновенная яма, которую годами не удосужились засыпать и замостить. Зато местные утки и гуси довольные. Устроили себе шумный курорт, удивляюсь, как от птичьего крика у служащих управы глаз не дёргается или этот бардак раздражает только меня?

Огляделась ещё раз, на улицах почти никого. Встретила одну тётку с полными вёдрами на коромысле, поздоровались и разошлись.

Полные вёдра – к деньгам и удаче.

А вот недовольное лицо горожанки – к проблемам. Гончарова здесь не любят, и с чего бы им доверять мне.

Контору сразу увидела, рядом стоят на привязи конь. Какой-то мужик вышел, тихо матерясь и не заметив меня, ушёл по улице в другую сторону. Какое-то разрешение, видать, не может получить который день. Кроме обустройства города, ещё и административная часть не настроена.

— Да уж! Работы в этом городе столько, что на десятерых хватит.

Ещё раз осмотрелась и прошла по тёмному коридору отыскивать свой кабинет.

Открыла ключом, вдохнула запах старых бумаг, сырости и тоски.

— Ну-с! Посмотрим, какое наследство нам оставил Леонид Маркович, и что ещё не успели умыкнуть из документов старейшины.

Первое, что я увидела на стене – табличка «г. КУЛЕБЯКИН». Видимо, кто-то забыл на въезде прибить вывеску, но название очень забавное.

— Может быть здесь пекут знатные кулебяки? Надо бы расспросить. Чем вообще народ промышляет, за счёт чего живут, а то может, и дела никакого нет, потому и бедность, — поставила табличку на небольшую тумбу и открыла короб с документами.

За свою долгую бытность председателем СНТ «Одуванчик», я трижды проходила обучение на курсах управленцев. И бухгалтерию на простом уровне знаю, так что делопроизводство не должно бы меня ни удивить, ни напугать.

И даже примерно догадываюсь, что нужно искать.

Если Гончаров казну обворовывал, то просто так деньги взять не мог, это точно. Он жадный, но не идиот. Хотя может быть потому и жадный, что идиот.

Вздыхая, не определилась пока о чём молить Бога, чтобы этого дурня нашли и он отвечал по всей строгости закона, или лучше уж без него, потому как я не Шурочка, терпеть не буду, и совсем не хочется оставаться женой негодяя.

Молитвы пока решила отложить, надо проверить хозяйство и потом определиться. Сразу наметила план работы с документами.

Сначала просмотреть все статьи доходов. С чего наша казна пополняется. Потом проверить все накладные, и счета на разные работы.

Вот тот же мост, это же золотое дно.

Каждый год из бюджета выделять средства на его ремонт, денежки забирать, а ремонт проводить тремя досками и силами своего же кучера. Рабочая схема для многих прохиндеев. Ровно такая же была у нашего соседа по СНТ, его мостом мы пользовались, для проезда в своё товарищество. А потом я написала заявку, выбила в областном бюджете средства на ремонт переправы и прикрыла кормушку главе поселкового совета, ух, как он меня возненавидел да помер, не доведя конфронтацию до абсурда.

Миры разные, а схемы всё те же.

Через час разбирательств я нашла все подтверждения своим гипотезам. И не только мост. У нас в городе, оказывается, выкопаны ещё пять несуществующих колодцев. Потому что накладные на использование казённых денег есть, а подрядных документов нет, хоть бы один, хоть бы записочка какая. Выделяются какие-то средства на поддержание в порядке улиц, и на ту же самую лужу в центре площади средства списывались, а ни одной телеги со щебнем не куплено, даже на масло и керосин для фонарей накладные есть, ну это святое – украсть и продать.

Это не город – а золотое дно.

Проверила все бумаги, благо их не так много, разложила на столе по датам и сделала неутешительный вывод:

— У Гончарова точно есть клад. И если он спрятал деньги в доме, то непременно вернётся, если живой. И как же со всем этим безобразием разбираться?

Потом проверила, с чего наши горожане налоги в казну платят. И здесь типичная схема, питая белыми нитками. Земельные участки указаны меньше, я пока этого не могу доказать, но на карте видно, что угодья того же Сомова, только по левую сторону реки, а он вчера заявился требовать мост, потому как к ЕГО территориям на другом берегу теперь приходится добираться в объезд.

— С этими тонкостями тоже придётся очень подробно разбираться. И, в конце концов, нажить себе врагов.

Вот теперь я всерьёз задумалась над словами городничего, а надо ли мне всё это? Одна против устоев целого города. Если бы люди были приучены к чистоте и порядку, то сами бы косили траву, и навоз убирали с дороги. И свои дома бы хоть немного в порядок привели. Не верится, что все прям настолько нищие. Или тоже исповедуют принципы Гончарова, у всех деньги есть, но они этого не показывают специально, чтобы не платить лишние налоги.

Дорогие друзья, не забывайте поддержать книгу, нажав /нравится/.

Гуси-лебеди ждут чтобы скорее рассказать вам секрет лужи на центральной площади) города.

Глава 12. Первая попытка

В коридоре послышались гулкие шаги, словно кто-то строевым шагом по плацу марширует. Здесь и гадать не нужно, Демид Ефимович собственной персоной.

Я как раз хотела найти кого-то, чтобы подсказали, как правильно заполнять чеки на выплаты довольствия. К счастью, нашла ведомость за прошлый месяц, и с подписями, и с суммами, какие выдаются на руки, уже просчитала общую сумму, но портить платёжное поручение постеснялась.

— Добрый день, Александра Андреевна! Вы уже на месте? Ну-с, как у вас дела, разобрались с бумагами? — городничий вошёл, как к себе домой, поздоровался и сел на стул, вытянув одну ногу, у него это протез или просто колено не гнётся?

Забыв о тактичности, уставилась на его ногу и не сразу поздоровалась в ответ. Но тут же смутилась, улыбнулась, поздоровалась и сделала вид, что зависаю из-за изобилия данных.

— Ох, от разбирательств голова кругом. Но мне очень многое стало понятно. Нашла дыры в казне. Доказать будет легко. И я если и фигурировала в делах, то только как перьевая ручка, решение выделять средства на несуществующие проекты принимал сам Гончаров. Например, тот же мост, ежегодно ремонтируется, но тремя гвоздями, а выделялось весьма существенная сумма.

— Вы поразительная женщина, надо же. Вы где-то учились счетоводству?

— Можно и так сказать. Бумаги — это улики, и они подтверждают мою невиновность. И посему, очень бы не хотелось, чтобы кто-то посторонний эти бумаги посмел забрать, спрятать и уничтожить. Вы понимаете, о чём я?

Он всё понимает, только выглядит немного озадаченным. Я, кажется, основательно сбила его компас, прям видно, как от непростых размышлений у мужчины вскипает мозг, но надо отдать должное, он воздержался от комментариев в адрес сложившейся картины, да какая уж картина. Это триллер, мои слова про многострадальный мост и схему воровства слишком уж очевидные. И самое неприятное для нашего городничего то, что он не силён в экономических преступлениях, а теперь, когда они вскрылись, тень преступлений падает и на него. Помещики ясно выразились, что более трёх месяцев — достаточный срок, чтобы заметить вопиющие нарушения. Макарова оправдала бы только слепота, но он хромой, а не слепой.

Шумно выдохнул и решился встать на мою сторону, другого варианта у него и нет.

— Могу забрать эти бумаги к себе в сейф, но...

— Вы же сами сказали, что губернатор пришлёт ревизора, это даже к гадалке не ходи, так и будет. И тогда я смогу аргументированно доказать...

Он едва заметно покачал головой, чтобы я даже не продолжала свои иллюзорные проекты. Скорее даже наивные, доказать что-то ещё нужно постараться. Замолкаю и слушаю:

— Знаете, есть ведь и другой способ, вашего мужа пока так и не нашли, подождём ещё день, другой. Потом объявим его погибшим...

Показалось, что я поняла ход его мыслей. Но они в корне противоречат моим планам:

— Вы думаете, что назначение Сомова спасёт меня от проблем? Город так и зачахнет, а я, между прочим, не только вижу дыры в бюджете, но и способы, как всё здесь привести в порядок. А может быть, и начать зарабатывать.

Он с таким видом покачал головой, словно я самая нерадивая или самая непробиваемая ученица в классе, а он уже отчаялся в который раз объяснять мне урок.

— В этом городе нет никаких предприятий, какие могли хоть как-то пополнять бюджет. Наши помещики приезжают сюда как на дачу, особо не развивая сельское хозяйство. Люди зарабатывают на дровах, воруя лес, и на сенокосе. Да уезжая на заработки, кто куда: на верфи,

на заводы в столицу, или старших дочерей отдавая в прислугу. Это самая нищая провинция. Смиритесь, мы банкроты. Дачники.

Вздыхаю, с некоторой долей артистического разочарования в жизни, чтобы не выпасть из роли провинциальной жены предводителя дворянства, а то слишком рьяно показала свои навыки делопроизводства и счетоводства, а это нехорошо.

— Хорошо, отложим этот разговор. Ваши установки и на меня начинают действовать удручающе. Лучше помогите мне заполнить платёжный документ, если знаете как, и я рассчитаю сегодня всех бюджетных работников.

— Могу проводить вас в банк, там и заполните под чутким руководством клерка.

— Отлично. Тогда вот эти документы на вас, головой отвечаете за них, это улики! Понятно? — говорю строго, ещё и пальцем для острастки пару раз торкнула в бумаги, снова забыв, что я юная, несчастная барышня в стеснённых обстоятельствах.

— Так точно, госпожа градоначальница! — он неспешно встал, и я окончательно убедилась, что нога его не гнётся. Бедненький, но послушный, это пока деньги ждёт, а получит, посмотрим, как заговорит. Ещё брыкаться начнёт, но у меня богатый опыт прижимать гонор, подумала и мило улыбнулась, чтобы он не заподозрил меня в кровожадных планах, по его порабощению.

Собрала обратно в коробку документы-улики и пододвинула к его высокоблагородию.

А себе оставила ведомости, бланки платёжных поручений, карту города. А загадочные суммы, какие Гончаров выписывал на ремонт моста, на колодцы и прочие расходы, я себе переписала на листок, чтобы понимать, какие примерно суммы утрачены.

Про то, что у мужа есть клад, молчу, это совершенно лишняя информация для ушей городничего. Если с Алёшей отыщем «волшебный горшок» с золотом, то можно будет все проекты сделать и тем самым избежать наказания за растраты.

Глава 13. Шатдаун у нас, батенька

Собрались и неспешно отправились в банк, выписывать деньги на жалование бюджетникам.

Если бы я явилась в банк одна, то пришлось бы очень долго доказывать, кто я и по какому праву заявила. Муж Шурочку заставлял только подписи ставить.

Макаров пояснил скучающему клерку, что я теперь исполняю обязанности градоначальницы, тот оживился и помог мне заполнить все данные, как должно. И самое приятное, что мне тоже полагается целых пятнадцать рублей жалования как казначею. Жизнь начинает играть новыми красками. А вот сорок семь рублей на имя Гончарова пришлось пока не учитывать. Всплывёт – рассчитаю, а то и удержу за растраты казны.

Подпись Шурочки скопировала как на старой ведомости, красивый почерк легко подделала, но если бы кто-то пригляделся, сразу бы понял, что я ненастоящая. Но всем так хочется скорее получить своё жалование, что никто на такие мелочи внимание не обратил.

Чинно, очень медленно клерк отсчитал мне положенную сумму, и я, наконец, сообразила. Почему городничий со мной пришёл в банк.

Охраняет.

— А в городе криминальная обстановка какая?

— Только если по пьяни хулиганят, а в целом народ смиренный, — ответил Макаров, забрал свои семьдесят два рубля и улыбнулся.

— Ваша жена сегодня обрадуется, жалование, праздник, наверное, устройте?

— У меня нет жены. Я до недавнего момента нёс службу в гарнизоне на границе, получил ранение, лечился в госпитале и теперь назначен сюда для несения службы, — признался, но сам же и смутился, и чтобы не продолжать откровения, сменил тему. — Предлагаю, чтобы вам не ждать людей за жалованием, пройдемся и разнесём, здесь недалеко. Почта, лазарет, своим людям, я сам отдам, когда они вернутся с поисков вашего мужа. А ещё начальнику ямской заставы, и смотрителю.

— Смотрителю чего, а то должность есть, а сути не понимаю?

— Это должность что-то вроде мирового судьи, решают спорные вопросы. До настоящего суда наш город не дорос.

— Хорошо, прогуляемся, надо всё проверить и ещё раз посмотреть на обстановку в городе. А лавки здесь есть? — спрашиваю, как бы между прочим и тут же понимаю, что попала на крючок «следователя».

— Вы словно приезжая, вообще ничего не знаете? Как-то всё это наводит на нехорошие размышления. Или вы сильно головой ударились?

— Головой да, ударилась, не сказать чтобы сильно, но приятного мало. А вообще, вы зря на меня смотрите, как на подозрительную личность. Я при муже была как рабыня, особо из дома и не отлучалась. Так что почти ничего и не знаю.

Макаров очень долго и внимательно посмотрел на меня и вздохнул, с ехидной улыбкой.

— Ну и поделом ему, надеюсь, не всплывёт. Такой пакостный... Но это, между нами.

— Могила, пытать будут, не скажу. И я надеюсь, что он не всплывёт. Потому что если всплывёт, то сама не сдержусь и приложу ему сковородкой за все пакости, какие он творил, причём по злему умыслу.

Городничий хмыкнул, у нас с ним какие-то очень доверительные отношения строятся, а ведь он на моей стороне, только если я не нарушаю закон. А если нарушу, то он станет моим первым врагом.

Пришлось замолчать, чтобы не сказать лишнего. Идём прогулочным шагом сначала в лазарет, потом заглянули на пожарную каланчу, встретили смотрителя ямской заставы, зашли

на почту, обрадовали жалованием усатого почтальона. И он мне тут же протянул внушительную пачку корреспонденции: газеты, письма.

— Это всё на имя градоначальника, только что привезли, раз вы пока за него, то вам и отдам. А вот это срочное, что-то личное...

И на пачку легло серое, невыразительное письмо с большой маркой и пометкой «Срочно», вчиталась в обратный адрес и чуть не подурнело.

«Мужской лицей начальных классов».

Отложила газеты и деловые письма, тут же вскрыла конверт и едва не упала:

— Боже мой, он сбежал! Алёша сбежал из пансиона, и они его ищут. Точно, у него ни документов, ничего не было с собой. Я ведь даже не расспросила его о мытарствах.

— Позвольте?

Протягиваю городничему довольно суровое письмо, наставники явно не чувствуют себя виноватыми. Довели ребёнка, не могли раньше написать.

А может быть, и писали, да подлец муж выкидывал письма...

— Скажите, а такие письма ещё раньше были? — уточняю у почтмейстера.

— Да, это третье, у меня всё записано, они ж с пометкой, я такие письма должен отдать и отчитаться.

— Долг за обучение, пятьдесят рублей, это неприятно, — Демид Ефимович прочитал чуть более внимательно.

Для него это неприятно, а для меня катастрофа вселенского масштаба. Очередная чёрная дыра.

— Да, но они мне ответят, за то, что подвергли ребёнка опасности, и за то, что они его не привезли, и не передали из рук в руки, — тут же понимаю, что, скорее всего, Гончаров им ответил, что делами ребёнка не интересуется, и предложил поступать по собственному усмотрению, вот они и поступили, довели мальчика до состояния отчаянья. — Ох, если найдёте этого гада, я его сама утоплю, честное слово. Это всё он. Не мог сказать, что мальчика исключают, ведь обещал платить. Гад.

Не имея больше приличных слов, я резко распахнула дверь и вышла на улицу остыть. Злость захлёстывает, словно горячая волна: в висках стучит, а руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Холодный воздух слегка отрезвил, но буря внутри всё ещё не утихала.

Ладно бы ситуация касалась меня, в смысле, настоящей Шурочки. Она, по крайней мере, взрослая. Но выкинуть ребёнка, просто взять и выкинуть. И даже слова не сказать сестре о плачевном положении брата.

Прям трясёт всю...

— Александра Андреевна, мне очень жаль, что так получилось. Уверен, что дело как-то можно разрешить, — Демид Ефимович тоже вышел и с таким видом, будто это он виноват в ужасной ситуации. Так, всегда бывает с порядочными людьми, они несут ответственность и за себя, и за окружающих, не то, что подлец Гончаров.

Всхлипнула, проявив неуместную слабость, словно пытаюсь свою беду переложить на его плечи:

— Они не отдадут документы Алёше без уплаты долга, и мне самой придётся поехать и разбираться. Эта сумма непосильная сейчас для нас. Думаю, что там на самом деле намного меньше, они поступили так же, как поступал Гончаров. Решили нажиться...

— У меня есть хороший знакомый по этой части, он живёт и служит недалеко от этого пансиона, напишу ему письмо с просьбой разобраться. Вы главное не отчаивайтесь.

Он всё же взял на себя часть моих горестей, но это как мёртвому лейкопластырь. Нас уже ничего спасёт...

— Осмотритесь, оглянитесь. Ситуация отчаянная сама по себе. На следующий месяц платить жалование денег нет. Шатдаун у нас, батенька, экономический кризис местечкового

характера. И мне придётся отдать узурпаторам из школы последние деньги, что получила за коня, а потом сложить зубы на полку, ибо они нам больше не понадобятся.

Сгоряча махнула рукой и зашагала в сторону дома, прекрасно понимая, что слегка переоценила свои возможности.

Глава 14. «Денег нет, но вы держитесь!»

Из-за очередного расстройств иду, не разбирая дороги, всхлипываю, потому что отдать за документы Алёши пятьдесят рублей – это обречь себя на очень большие неприятности.

Не заметила, как оказалась около злополучного моста и обнаружила небольшое собрание местных мужиков. Стоят, спорят, ругаются, руками машут, не иначе – производственное совещание на выезде.

Ох, как мне не хочется попадать им под горячую руку.

И городничего нет заступиться. И пешком обходить пять вёрст по другому мосту — сомнительное удовольствие.

— Александра батьковна, мы тут по поводу моста спорим! — меня обнаружили, но какое счастье, что обратились без агрессии.

— Андреевна я, добрый день. Но не такой он и добрый, — вздыхаю, проблемы брата так и не отпустили давящее чувство в груди. — Мост требует рук, желания и хотя бы двухсот досок и нескольких брёвен. У меня на это денег нет... Пожертвовать никто не может или не хочет, помещики сказали, что их дело сторона, а казна пустая.

Произношу на выдохе самое пошлое оправдание, надо было ещё добавить: «Денег нет, но вы держитесь!»

— Так это всё понятно. Ежели с каждого двора по три доски, да по бревну...

Начал развивать мысль самый крепкий мужик, в довольно приличной одежде, и таратайка у него новенькая, видать, достало его отсутствие моста основательно. Правильно, кому мешает, тот и исправляет.

— Если решитесь да сделаете, то я все бумаги подпишу и буду вам очень признательна. Давно пора заняться самоуправлением, потому как...

В этот момент в сознании «вспыхнула красная лампа», замолчать, пока не устроила коммунизм. За казну меня не так сильно накажут, как за провокацию классового конфликта, а он прям налицо, верхи не хотят. Низам надоело терпеть.

— То есть, вы нам добро даёте? А то ваш муж-то всё говорил, что губерния не даёт разрешение на полноценный ремонт, мол не такие мы важные, поважнее дела есть, железная дорога, да завод какой-то...

— Это мы для них не важные, а для себя мы на первом месте. Только у меня одна просьба, сделать всё не тяп-ляп, а под руководством нормального плотника, который понимал бы устройство моста.

— Есть такой, если разрешение будет, то он согласится.

Слово «разрешение» должно было меня насторожить. И упоминание губернии, тоже должно было заставить задуматься. Но я была в таком расстроенном состоянии из-за письма про Алёшу, что не заметила опасности. Посчитав ремонт согласованным, ведь Гончаров регулярно выделял деньги, значит, разрешение на ремонт есть?

На ремонт, но не на реконструкцию. Дурная моя голова в этот момент ничего такого не заподозрила, и я произнесла те самые слова, что в скором времени могут мне стоить очень дорого:

— Я сама вам выдам разрешение на ремонт, прямо сейчас напишу постановление. И очень надеюсь, что вы не будете с меня требовать деньги за труды и материалы. Потому что их правда нет.

— Вы только дайте дозволение, и мы завтра же начнём. А к концу недели мост станет как новенький. Мы уж истосковались по нормальной переправе, сколько это можно терпеть...

— Делайте... Я завтра утром в контору вернусь и сделаю вам постановление, но найдутся ли доски? А хотя знаете, можно сделать так: кто доски и посильный вклад внёс — тот ездит

даром. А кто не внёс, тот будет за месяц платить взнос от полтинника до рубля, и это будет касаться даже таких людей, как Сомов. Как вам идея?

Мужики вдруг рассмеялись.

— Затеяница вы, Александра Андреевна, за такую мзду они всё сами притащат, а у кого нет, работать прибегут. А пропишите это в городском указе, и посмотрим, вдруг да сработает.

— Простите, а как вас зовут?

— Колесов Митрофан Степанович, я как раз у Сомова-то управляющем служу. Думаю, что он от нашего самоуправства расвирепееет, но материалы выделит, это он с виду такой ерепенистый, а так-то мужик нормальный, ему сей мост первее всех нужен.

— Вот и отлично. Тогда завтра жду вас в девять утра в конторе. Составим и приказ, и разрешение оформлю.

— Договорились.

Мужики расступились, позволяя мне пройти, через мост перешла, осторожно наступая на доски и спиной чувствуя, как они следят за каждым моим шагом. Видимо, не красота моей фигуры завлекает, а страх, что низвергнусь снова. Но я прошла, выверяя каждый шаг и крепко держась за остатки перил.

Когда моя нога ступила с хлипкой переправы на твёрдую землю, на том берегу выдохнули.

Оно и понятно, не только за себя, но и за своих близких переживают, мостом-то все пользуются. Но мост мостом, а у меня сейчас разговор предстоит поважнее всех городских дел.

Глава 15. Кладоискатели

Добежала до своего дома, постучала в калитку, и Алёша через несколько минут открыл.

— Здесь какой-то дядька приезжал, про мост спрашивал, я сказал, что ты в конторе. Чай согрел, может хлебушек с яичком пожарить?

— Да, сейчас, милый мой, пожарим. Только ты мне вот что Расскажи, как сбежал со школы? Где документы и почему тебя отпустили. Или нет, не так, просто Расскажи, что произошло, вообще всё и по порядку.

На огромных испуганных глазах Алёши заблестели крупные слезинки, губы затряслись, и он всхлипнул.

— Я с зимы отстранён от учёбы, меня в помощники кочегара поставили, а тот пьёт, воли не даёт, всю работу на меня свалил, ещё и бил...

— Твою ж... И сколько ты так трудился? — сгребая его в охапку, прижимаю и целую в макушку, чтобы показать, что не злюсь.

— Четвёртый месяц пошёл. Не было силушки. Потому и сбежал. Надо мной ещё мальчишки издеваться начали...

— Ну я им дам. Ты даром батрачил, а они ещё за документы пятьдесят рублей требуют? И даже никаких извинений, подлецы, какие.

От жуткой несправедливости у меня просто всё внутри вскипело. Будь эта школа поблизости, разнесла бы там всё в пух и прах. Надо городничему рассказать эти подробности, что мальчик отработал сполна, и ещё законы посмотреть о детском труде. Это не школа, а концлагерь.

С великим трудом остыла, чтобы не накручивать себя.

— Но ты меня назад не отправишь?

— Нет, конечно! Давай чай пить и хлеб в яйце жарить, а потом покажешь мне, что успел прочитать и написать, — мы вошли в дом, и я ощутила, что совсем скоро нас ждут новые проблемы. Если муж погиб, у него же есть родня. Причём близкая, мамаша и то ли сестра, то ли братец какой-то юродивый. Они ведь непременно нагрянут на похороны, рано или поздно тело найдут, это не море, а река...

— Слушай меня внимательно, Алёша, не хотела тебе говорить, чтобы не смущать. Но я чувствую, что Гончаров в доме спрятал клад, не мог он просто так казнокрадством заниматься и ничего не припрятать. Мы сейчас перекусим и должны всё перерыть, от погреба до чердака. Пока его родственники не нагрянули. Смекаешь?

— М, да. Но дом-то огромный, а мы даже не знаем, что искать.

— Придётся всё-всё прошерстить. Тут уж никуда не деться. Иначе деньги присвоит кто-то другой. А растрату козны припишут мне.

— Если что-то есть, то найдём!

— И я так думаю. Только никому ничего не говори.

— Могила, я не маленький болтать.

— Да уж, если бы я не надавила на тебя с пристрастием, то и не узнала бы про побег и про твои страдания. Маленький партизан, я твоя самая близкая душа, пожалуйста, больше никаких тайн между нами, хорошо? Но я очень рада, что ты вернулся.

— А я-то, как рад. Тогда ещё кое в чём признаюсь, я не сдержался и уже поел разок.

Смеюсь и снова приобнимаю его за тощие, но крепенькие плечики.

— И молодец, набирай силушку, она тебе в жизни понадобится.

После обеда мы с Алёшей начали методично, как два бывалых взломщика, проверять весь дом, от подпола до чердака. В подполе, кстати, обнаружилась небольшая кадка с квашеной

капустой, а внутри ещё сюрприз в виде солёных огурцов. Нам завтра щи можно сварить или рассольник, не тот клад, что искали, но всё равно приятно.

Дегустируя капусту, я вдруг осознала, что Шурочка — городская барышня, штопать и шить умела отлично, а вот к огородным делам и засолкам у неё вообще не было ни способностей, ни навыков. А ведь огород небольшой есть, но там бурьян. Этот бочонок сделан кем-то профессионально, скорее всего, куплен на щи, да забыт. Или нет, у мужа от капусты несварение, надо было Шурочке его капустой и пичкать, глядишь, присмирел бы.

Больше в подпол мы не спускались, не нашлось даже признаков, что кто-то мог там что-то закопать. Проверили все комнаты, полы, стены, отодвигали и переворачивали всю мебель, какую только могли перевернуть.

Стоя в небольшом квадратном коридоре, и прикидывая, где ещё поискать, смотрю на внушительный старинный шкаф, какой сами не сдвинем с места, даже если очень постараемся.

— Думаю, что он бы тоже не стал двигать огромный шкаф, чтобы что-то спрятать. Главное правило клада, знаешь какое?

— Не-е-е-ет...

Алёша проникся процессом и как я загадочным шёпотом его спросила, так он очень тихо ответил, боясь, что нас кто-то может подслушать.

Наклоняюсь и шепчу ему ещё тише:

— Клад должен быть незаметным, на то он и клад. Но в случае опасности его должно быть легко забрать. За какие-то секунды. В случае пожара или наводнения.

— А-а-а-а! Я об этом не подумал. Но тогда баня не в счёт. Бани всегда горят, и там сыро. На чердаке тоже вряд ли, ты же видела, какая старая лестница ведёт на чердак, даже я боюсь на неё взбираться. А раз там все перекладины целые, то и твой муж не поднимался.

Мы перешли в третью комнату и на четвереньках ползаем по полу, проверяя половицы, заодно рассуждая о теории и практике кладоискательства.

— Хм, молодой человек, да вы просто талант, и ведь не поспоришь, логика железная. Надо напоследок ещё раз перевернуть его спальню, и проверить все половицы, и, возможно, книги. Но он Шурочке, ну то есть мне не запрещал книги брать, значит, в книгах точно ничего нет.

Я чуть было не спалилась на элементарном. Назвала себя в третьем лице. Хорошо, что мы в этот момент двигали очередной комод с древним тряпьем в одной из старых комнат, где давно никто и не жил. Да и тряпье всё только для половых тряпок годное.

— Ничего, Шурочка, а может быть, и не было у него клада?

— Может, и не было. Часы были швейцарские, с маленьким бриллиантом в центре крышки. Возможно, это единственное богатство. Но куда-то же этот прощелыга деньги девал.

— Родственникам? Ой, а может, полюбовницам?

— Эй! Молодой человек, откуда вы такие слова знаете? Да и откуда у такого противного мужика полюбовница? Ты же его видел...

Алёша смутился, вздохнул и выдал очередной аргумент, с которым я и поспорить не смогла бы:

— За деньги и с уродом стерпит, ты же жила с ним...

— Фу, гадость! Не продолжай. Ты ещё слишком маленький, но, к сожалению, и такой вариант вполне мог быть. Вот сволочь, даже клада нормального сделать не удосужился, у всех нормальных казнокрадов десятки золотых часов, золотые унитазы, денег по всем подушкам... Ой, точно! Подушки. В его спальне на диване есть подушка, пошли выпотрошим её.

Это была последняя идея, где мог бы притаиться клад.

Старая небольшая подушечка с вышитой крестиком наволочкой, затёртая до невозможности, тоже оказалась пустой.

— Пусто! Надо отдать этому прохиндею должное. Он спрятал деньги где-то в другом месте.

Стою в центре комнаты, руки в боки, взмыленная от непосильного труда, мы не просто так всё двигали, но и подмели полы, да паутины смахнули. Навели относительную чистоту в довольно пустом доме, но и только.

Никаких идей не осталось.

Он, наверное, реально не такой и дурак, прекрасно понимал, что в любой момент к нему могли бы прийти с обыском после ревизии и изъять всё. Как и сказал городничий, пока единственная ценность, это дом.

Глава 16. Гости пожаловали

Поиски не увенчались успехом, почему-то у меня было предчувствие, что этот прошле-лыга деньги куда-то переправляет и Алёша в чём-то прав. Придётся просить городничего искать и дело открывать, а пока у нас своих дел хватает:

— Пора баньку подтопить. Завтра утром вместе пойдём в контору. Немного позанима-емся делами, а потом на рынок, надо купить хоть одно приличное платье. А то, как цыганка в этой чёрной шали. И тебе одежду.

— А я думал, ты траурное надела.

— Ну и пусть так все думают. Что-то я уже проголодалась, пока кладоискательством занимались.

Мы снова занялись бытовыми делами, натаскали из нашего колодца воды в баню, зато-пили там печь, и на ней же вскипятили чайник, очень практично, что и в бане есть прогар.

А сами никак остановиться не можем, всё ещё оглядываемся по сторонам, да присмат-риваемся ко всему подозрительному в бане, на дворе, на улице.

И вдруг, увидев старую телегу без колеса во дворе, я вдруг припомнила, или скорее уви-дела в памяти Шурочки одно недавнее событие из прошлого. Как Гончаров куда-то собирался, нудно отдавал жене наставления и что-то такое сказал, что его матушка приболела, и надо бы её проведать, да помочь, да новый выезд ей справить.

Весьма странно для мизантропа, вообще кому-то в чём-то помогать. Свекровь ни разу не приезжала в гости, Шурочка её и не видела, и не знает, только наслышана. А вот муж чуть не каждый месяц уезжал в губернскую столицу на несколько дней проведать матушку, и воз-вращался оттуда упитанный, с какими-то обновками, и злющий, словно не домой приехал, а на каторгу вернулся.

Здесь клада нет. Он всё увозил и отдавал матери или там прятал деньги, или на её счёт. Тоже типично для казнокрада.

Здесь была его вахта!

Весь вечер потратили на поиски того, чего нет. Всё зря, никаких надежд на быстрое реше-ние проблем. Хоть и договорились с Алёшей о честности, но я ему решила пока не говорить о своих неприятных догадках, что мы банкроты.

По очереди намылись в бане, на завтра наварили яиц, а обед уж будем варить после того, как проинспектируем рынок. Экономия и для нас теперь актуальная тема, но не до фанатизма.

Вечер прошёл в типичных рутинных домашних делах. Постелила чистое бельё, прове-рила «уроки» Алёши и похвалила за идеальный почерк. Попросила его почитать вслух и убе-дилась, что на образование мальчику нужно зарабатывать, он очень талантливый, и действи-тельно, имеет неплохие шансы добиться чего-то в жизни. Отчего стало на душе ещё тяжелее. Признаться, я всё же до последнего надеялась, что мы найдём заначку.

Уставшие спать рано легли, появилась мысль что надо бы кур купить, старый курятник на подворье есть, но подумать, как следует я не успела, уснула как младенец. И сразу приснился райский сад, и такая там красота. Только вдруг откуда-то взялся пионер-барабанщик и начал со всей дури бить в барабан над моим ухом:

Бум! Бум! Бум!

Сердце чуть не выпрыгнуло от испуга. Не поняла, что случилось. Грохот от ворот, или гроза, или...

— Хозяйка! Отворяй ворота! — раздался грозный вопль с улицы.

— Шурочка, там кто-то приехал. Может, мужа твоего привезли. Mamочки, я утопленни-ков страсть как боюсь...

Я даже ответить ничего не могу. В висках всё ещё от резкого пробуждения тюкает.

— Отворяйте, Анфиса Фёдоровна пожаловали! Открывайте...

— Анфиса Фёдоровна? Это ещё кто? — начинаю с трудом соображать и вдруг до меня дошло. Мамаша Гончарова сама приехала, да посреди ночи.

Пришлось крикнуть в окно, что сейчас откроем, наказать Алёше зажечь свечи и встретить «гостей», надо было притаиться, но уже поздно, они нас уже слышали. А нам только гостей сейчас и не хватало.

Накинула шаль, обулась и выбежала во двор. Прохладная летняя ночь взбодрила и прогнала сон, но боже мой, как же не хочется открывать ворота, так не хочется, что и не вышептать.

Луна светит на ясном небе, вдохнула свежий, прохладный воздух и, принимая неизбежность неприятностей, открыла ворота. Стоило створкам распахнуться, как во двор влетела сияющая лакировкой новенькая карета, с начищенными до блеска медными ручками и ступеньками, запряжённая парой откормленных рысаков. Я едва успела отскочить.

Принесла нелёгкая, понятия не имею, как встречать родню мужа, всё настолько запутано, но пока отбросила сомнения, молча закрываю ворота и жду первый пас, сейчас мяч на стороне Анфисы Фёдоровны, и она не стала его удерживать, тут же и «швырнула» в меня:

— Горе-то какое. Сыночка мой родненький! Боже мой. Вот стерва, ты живая, да выбралась из воды, а его не спасла! Шельма...

Я даже не удивилась.

Минутой позже из кареты выбралась солидная, довольно крепкая женщина, назвать её старухой язык не повернулся. Полнота её молодит, а лунный свет придаёт гостье совершенно зловещий вид. Очень неприятная особа, но теперь всё понятно, в кого Леонид Маркович характером пошёл.

Следом за мамашей из кареты выскочил молодой мужчина, полноватый, неуклюжий и со следами непроходимой тупости на асимметричном лице, последней с двумя огромными узлами выбралась служанка и стоит в ожидании указаний, поглядывая то на меня, то на свою госпожу.

Глядя на нездорового братца Гончарова, понимаю, почему муж не касался Шурочки... Этому семейству, действительно, противопоказано размножаться.

Так и стоим, в ожидании первого шага. Сынок тут же засунул в нос палец, чуть не по локоть, и мамаша шлепком заставила парня прекратить чудить. Чувствую, что это ещё цветочки.

«О, мой бог! Только этого мне не хватало!» — хорошо, что про себя сказала, а то быть бы скандалу. Но скандалу всё равно быть:

— Ну что стоишь, рот раззявила. Чаю делай, размещай нас. Из-за вашего сломанного моста нам пришлось лишнего круга дать да заплутать.

Хотела я найти клад, так вот он передо мной, стоит в виде новенькой, шикарной кареты, и золотых украшений на толстой шее Анфисы Фёдоровны, все деньги сынок отдавал своей матушке.

Это очуметь, как тупо, но в глубине души, я именно такого поворота событий и ожидала, почему-то.

— И вам здравствуйте. Мост, сломанный не по моей вине, а бывшего градоначальника, вот к нему и претензии, когда найдём, — я, почему-то глядя на свекровь и её младшего сыночка, теперь на сто процентов уверена, что Гончаров не мог утонуть. Такое г не тонет. Он просто далеко уплыл...

Мою аллюзию про «деяния» её сыночка и про сломанный мост Анфиса Фёдоровна не приняла во внимание. Другим занята: отряхивает платье от крошек, на сына ещё раз взглянула и вытерла его рот от слюней быстрым привычным движением. И теперь стоит, изучает нас, особо не считая за преграду, она бы и без дозволения в дом вошла на правах хозяйки, однако заметила Алёшу за моей спиной и брезгливо поморщилась.

— А это кто? Ребёнок? У тебя дети есть? Ужас какой, сынок не говорил, да, впрочем, всё равно. Значит так, гроб я заказала у нас, в вашей глуши достойного ничего нет. Но ты, как вдова, обязана будешь оплатить сто рублей. И похороны, и отпевание, и поминки. Похороним моего мальчика в нашем городе, подле могилки батюшки его Марка Петровича, боже мой, боже мой, нет моей кровинушки! — начала Анфиса очень требовательным тоном, но сорвалась на показушные рыдания. Обычно матери до последнего наедятся, а эта уже гроб заказала. Редкостная стерва...

— Тело ещё не нашли, вы с гробом поспешили. Может быть, он живой? И у меня вообще денег нет платить за похороны, а ста рублей и тем более. Уж извините, но ваш сын ничего не давал мне на ведение хозяйства. Зато вижу, что он всё отвозил вам, хоть бы постеснялись в таком дорогом экипаже приехать. У нас нет ничего даже на ужин. И постельное дырявое, вам наша нищета не подходит, так что не смею задерживать, на обратном пути уже не заблудитесь, гостиницы в нашем городе тоже очень не рекомендую, клопы зажрут. Извините, но что есть, то есть...

— Ах ты, шельма. Не твоего ума дело, на каком экипаже нам ездить. Значит, такая ты ужасная хозяйка, раз нет приличной постели для матери мужа. Лёня говорил, какая ты пакостная, да я не верила. Ну, смотри у меня, я обломаю гонор-то твой.

Анфису так просто не пронять, да я и не собираюсь. Она меня люто ненавидит, и теперь ещё считает виновницей в гибели её сыночка. А это уже совершенная клиника.

Я молча развернулась и пошла в дом, за испуганным Алёшей. Вообще, не понимаю, что в такой ситуации делать. Ладно бы она приехала и по-человечески. Хотя о чём это я, Лёня Гончаров по-человечески тоже не умел разговаривать. И теперь понятно почему.

Мы с Алёшей вошли в свою комнату и спрятались от навязчивых гостей. Судя по всему, мамаша прекрасно ориентируется в доме, постоянно крича на своего «солнечного» сыночка, на служанку, ворча на кучера, чтобы все быстрее шевелились, она заняла дальнюю спальню. Какое-то время с кухни слышалась ругань на нас, на нищету, на дорогу и на судьбу-злодейку, отобравшую её драгоценного сыночка.

— Шурочка, давай сбежим в столицу, а? Не нравится мне эта женщина, и её сынок дурачок не нравится. И дома один я с ними не останусь.

— Завтра подумаем. Сама в шоке.

— А это что значит?

— Это значит, что я и напугана, и устала, и злая одновременно. А ещё понятия не имею, как поступить в этой ситуации. Судя по всему, мирного договора у нас не получится, это надо, ещё тела не нашли, а она уже гроб заказала, а я теперь каждый её каприз обязана оплачивать?

— Не плати...

— Да мне и нечем. Спи, утро вечера мудренее, надеюсь!

И тут меня осенила гениальная мысль! Какое счастье. Что эта глупая тётка приехала на новенькой, шикарной карете.

Глава 17. Нашли...

Утром я проснулась в тот момент, когда первый розовый луч скользнул по стеклу, и по моей щеке запрыгали солнечные зайчики. Воспоминания о райском саде мгновенно сменилось отвращением. Потому что по дому теперь разносится невыносимый храп. У моей соседки по дачному участку был когда-то бульдог, вот он точно так же и храпел, распугивая всю живность в округе. Даже кроты не покушались на наши огороды.

— Алёша, вставай, нам пора бежать в контору. Пока гости храпят, надо уйти. Осторожно в библиотеке возьми себе книги. А я дам собаке еды и заберу с собой наш завтрак.

Братец тоже вздрогнул, очнулся и поспешил без лишних слов собираться.

Он не только в контору, он и в столицу бы убежал сейчас.

Собрались основательно, я даже документы личные все забрала. У Алёши кроме старых башмаков, чужих штанов, рубашки и жилетки, и вовсе ничего нет.

Крадучись прошли на кухню, забрали остатки хлеба, сливок и яйца, а чайник так и остался в бане. Алёша, решив, что книг много не бывает, забрал из библиотеки пять штук, какие вчера ещё отобрал для себя. Наш план побега удался на славу, ни единой скудной вещички не утрачено, и ушли почти бесшумно. Да, на самом-то деле здесь можно чечётку бить, из-за храпа никто не услышит.

Ранний побег выдал слишком громкий звук засова на калитке. Собачка залаяла, видимо, ругалась, что мы её забыли, в доме храп стих и послышались дикие вопли больного сына Анфисы.

Не сказать, что мы испугались, но ещё раз встретаться и слушать гадости я не намерена, посему мы, не стесняясь приличий, бегом пробежали по улице, перебрались через опасный мост и только тогда выдохнули.

— Шурочка, может быть, не будем возвращаться? Я боюсь и эту тётку, и её сыночка, а вдруг он злой.

— Такие люди редко злые, он просто очень глупый, уровень развития на два-три года. Этим и опасен. За ним постоянно нужно смотреть, особенно опасно, если у них есть какая-то мания, например, всё поджигать, или ещё что-то такое. Но за этим дурачком тщательно смотрят, думаю, что он не опасен.

— Хорошо бы. Но всё равно страшно, — Алёша уже отдышался и теперь идёт спокойно, постоянно поправляя расползающуюся стопку книг, — одна так и норовит выпасть. Надо было хоть бечёвкой их перевязать.

— Поэтому мы и сбежали. Прохладно, нам бы чаю.

— Так можно в ямскую слободу зайти, там самовар сутками кипятится, попьём чайку за полкопейки, да с сахаром, а просто кипяток и даром.

— Какой ты у меня талантливый всезнайка. Умничка, мой! — приобнимаю Алёшу свободной рукой, и мы свернули к выезду из города. Туда, куда я вчера с Макаровым отнесла жалование смотрителю.

Ямщиков всего трое. Сидят за одним столом у окна, шумно швыряя, пьют чай из блюдечка и что-то негромко обсуждают. Мы вошли, я бы растерялась, но братец, видимо, за время своих скитаний очень хорошо изучил быт ямщиков. Проводил меня за другой стол, усадил, взял два стакана и обмыл их кипятком из самовара. Из заварного чайника плеснул мутную заварку Иван-чая и наполнил кипятком до самых краёв.

Ямщики на нас посмотрели, улыбнулись.

— Какой проворный пацанчик, нам бы такого, молодца...

Не нашлась что ответить, только улыбнулась. Мне самой такой пацанчик нужен. Мы быстро почистили варёные яйца, отломили по куску хлеба и не успели начать завтрак, как в

чайную вошёл смотритель Корней Лукич, заметил нас и шумно хлопнул себя по бокам, то ли от радости, то ли от удивления. Скорее второе:

— Батюшки Святой, госпожа градоначальница собственной персоной, а что же вы. Давайте я вам и сахарочку и у меня сальце с прослойкой, да как же.

От бури его эмоций я смутилась, порозовела щеками, никогда не любила страстных проявлений любви к властям. Алёша сжался и притих, привыкший, что на него всегда ворчат, не сразу распознал раболепие, спутав его с порицанием, за какой-то непонятный проступок.

— Да не стоит...

— Как не стоит! Мужики, вона уже принесли благую весть, что вы решились мост восстановить, он нам очень важен, прям-таки как хлеб и соль. Сейчас принесу припасы, не побрезгуйте.

И убежал.

А ямщики даже жевать перестали, уставились на нас, пытаясь осознать и сопоставить мой затрапезный вид и слово «градоначальница».

Через несколько минут перед нами образовалась широкая тарелка с нарезанным салом, свежим ароматным хлебом, и колотые кусочки желтоватого сахара на блюде.

Алёша от такого изобилия порозовел, улыбнулся, а взять постеснялся.

— Берите, берите. Надо же, как оно, скоро, кстати, наш новый городничий пожалует. У него на квартире тоже чая-то нет, он у нас пьёт. Прямо такие приличным заведением становимся, как ресторация. А простите за грубость, Леонида Марковича-то не нашли? — спросил, то ли из приличия, то ли от опасения, не вернулся бы мой муж до того, как мост восстановят.

— Нет, не нашли.

— Ну и поделом. Бог шельму метит, — ляпнул, не подумавши, но даже не смутился. Видимо, прошлого градоначальника не просто недолюбливали, его — ненавидели. И сейчас готовы даже женщину принять в этой роли, лишь бы дела сдвинулись хоть немного.

— Здравия желаю! Ух ты! Александра Андреевна! А вы какими судьбами?

На пороге появился городничий, как обычно, идеально выбрит, причёска волосинка к волосинке и даже к одежде не придраться, по-армейски идеальная.

Я сильнее укуталась в свою страшную шаль.

— Не спрашивайте. Но на самом деле наш дом захватили родственники мужа. Его тела ещё не нашли. А Анфиса Фёдоровна уж и гроб заказала, и поминки, и отпевание, примчалась и утверждает, что я ей должна сто рублей за все труды, и нам с ними под одной крышей совершенно невозможно.

— Вот так дела. Так Гончарова ещё не нашли и уже гроб? Не рановато? — слышу саркастические нотки в его голосе.

— Это не ко мне вопрос. Присаживайтесь, нам тут ссудили много еды, всё не съедим, будет приятно позавтракать вместе.

Демид Ефимович за руку поздоровался со зрителем и присел за наш широкий стол, слегка смущённый, потому как это не то заведение, где таким людям прилично завтракать. Но иного нет.

— В городе нет харчевни. Вот и приходится...

— Понимаю, сами такие. У меня, кстати, новость, — я решила, что надо открыть все карты, это и был мой вчерашний план. Немного подлый, но совершенно точно рабочий, натравить на Анфису Демид Ефимовича, авось до неё дойдёт и она сбежит.

— Какая же новость?

— Знаете, я вчера, когда просматривала бумаги, поняла схемы, по каким Гончаров отмывал деньги казённые. Ну в смысле присваивал. Я вам уже пояснила, с тем же мостом. Так вот, эти деньги по закону жанра, должны храниться в каком-то тайнике. Мы с Алёшей вчера перевернули весь дом с ног на голову и ничего не нашли.

Макаров даже жевать перестал, смотрит на меня, потом на Алёшу, и снова на меня.

— Вы думали, что он казну как клад где-то спрятал?

— Да, не думаю, а знаю. Потому что сейчас этот самый клад стоит у меня во дворе и сияет.

Гончаров поморщился, от непонимания моих замысловатых загадок, а я наслаждаюсь моментом, люблю делать феерические заявления.

— В каком это смысле сияющий?

— В смысле лакированный! Экипаж мамы Гончарова, новенький, ещё пахнет лаком, и кони молодые и резвые, и сама барыня вся в золоте, как цыганка. Вот куда все денежки ушли. На её богатое содержание она и не приезжала к сыну, чтобы не показывать своё богатство, а он здесь воровал. Думаю, что в губернской столице у него и какая-то пассия есть. И дом там дорогой. Вот такие калачи. Вам осталось, только спросить о доходах Анфису Фёдоровну, и если она не сможет внятно ответить, откуда взялись большие деньги и на чьё имя и кем куплен хоть бы экипаж, то смело изымайте. Вот и будет вам на ремонт моста.

— Вот так поворот. Непременно проверим, сегодня же и навешу, кстати, про ремонт моста, вы вчера пообещали выдать разрешение?

— Да, и сейчас собираюсь его составить, надеюсь, меня за это не осудят.

— Не должны, но отчёт перед губернатором держать придётся.

— Ой, знаете, лучше отчитываться по сделанной и успешной работе, чем по разрухе. Отчитаюсь, вы мне, главное, по всем вопросам помощь окажите. И про Алёшу тоже...

Мне пришлось кратко рассказать о последних непростых месяцах жизни брата в пансионе и о его непосильной работе кочегаром. Макаров помрачнел.

— Тут уж не дружеский визит назревает, а адвокатов надо бы нанимать на разбирательства в пансионе.

— Увы, у меня на это нет денег. Долги на меня так и сыплются, пятьдесят рублей приюту, сто рублей за похороны трупа, которого ещё не нашли, и чувствую, что к концу недели мой минус дорастёт до тысячи.

— Не отчаивайтесь, со всем разберёмся. У меня есть знакомый, кто близок к этим вопросам, напишу ему, обещаю, всё проверит и не оставит беззаконие.

— Ваши слова меня не сказать, что успокоили, но надежду подарили.

Мы начали усердно жевать, потому что пока сказать нечего, а работа уже ждёт.

— Ох, как хорошо-то, вроде и не предвещало нам утро такого вкусного и плотного завтрака, а вот, Бог послал, приятно ходить у Боженьки в любимчиках, — подвожу итог и улыбаюсь.

— Корней Лукич, городничий здесь? Ах вот вы где? — не успели мы окончательно осознать прелесть утра, когда в дверь ворвался всклокоченный после верховой езды мужик, запыхавшийся, с утреннего света, не сразу разглядевший своего начальника в полумраке чайной. Сначала крикнул смотрителя, а уж после заметил нас и замер, не зная, как сказать весть, с какой примчался.

И без слов понятно, что нашли Гончарова. Но гонец пришёл в себя и выдал новость:

— Нашли! Нашли нашего градоначальника-то, Леонида Марковича, везут-с...

— Ой, это что же будет-то! — простонал Алёша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.